

МЭГАН ЛИНДХОЛЬМ
ПОЙ ВМЕСТЕ С ВЕТРОМ

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

Заклинательницы ветров

Мэган Линдхольм

Пой вместе с ветром

1982

Линдхольм М.

Пой вместе с ветром / М. Линдхольм —
1982 — (Заклинательницы ветров)

Даже самого искушенного читателя с первых страниц романа приятно поразит неистощимая фантазия автора, блестящий стиль, изысканные образы героев.

Содержание

1	5
2	14
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мэган Линдхольм

Пой вместе с ветром

1

Издали женщина казалась крохотной точкой – немыслимой точкой на отвесной каменной круче. У нее не было ни навыков скалолаза, ни каких-либо приспособлений; она двигалась вверх, цепляясь за выступы слоистой породы, неловко, но с невероятным упорством. Облегающая кожаная курточка и грубые шерстяные штаны давно утратили свой первоначальный цвет – серая каменная пыль сплошь облепила их и въелась вовнутрь. Женщина сливалась со скалой, точно насекомое, умеющее изменять окраску. Ее темно-русые волосы намокли от пота. Они были заплетены и увязаны замысловатыми узлами, с трудом позволявшими судить об их длине; ветер все-таки высвободил несколько прядей, и они паутиной легли на глаза. Женщина прижалась худеньким лицом к скале и потерлась об нее, пытаясь убрать волосы. Пустить в ход руки она не могла. Руки были заняты.

Когда-то давно, в незапамятные времена, природный катаклизм расколол гору почти пополам: целый склон, покрытый зеленью, сполз вниз и остался лежать у подножия бесформенной кучей камня и земли. Вверху, высоко-высоко над головой женщины, виднелась зеленая шапка, уцелевшая с тех времен на макушке горы. Однако всюду поблизости – вверху, внизу и по сторонам – был только камень, безжизненный и нагой.

В это утро женщина долго стояла среди густых кустов и молодых деревьев, которыми зарос тот давнишний оползень. Она смотрела вверх, на поблескивавший темно-серый обрыв, приглядываясь к каменному карнизу примерно в трех четвертях пути до вершины. Она все пробовала представить, как ползет наверх, пока наконец не уверилась, что затея эта совершенно безнадежна.

И полезла наверх.

...Пальцы ее левой руки обхватили крохотный выступ слоистого камня, смахивавшего на сланец. Она осторожно начала переносить вес своего тела, собираясь повиснуть на левой руке... Камешек обломился чисто, точно сколотый зубилом, и покатился вниз по откосу. Женщина – ее звали Ки – успела судорожным движением запустить пальцы в какую-то трещинку и, силясь отдышаться, прижалась к скале. Она знала, что ее цель была совсем рядом. Карниз – неприметная зазубрина гигантского утеса – манил ее точно так же, как кровь, растворенная в воде, привлекает акулу. Осторожно вывернув шею, Ки посмотрела вниз, на дно долины. Когда она отправилась в путь, еще только светало. Значит, она и в самом деле почти добралась. Должна была добраться. Она не смела задрать голову и убедиться, что это было действительно так. Солнце светило ей прямо в макушку. Оно взбиралось на небосвод заметно быстрее, чем Ки – на скалу. Драгоценное время уходило, сыпалось между пальцами, словно тот раскрошившийся камень...

Поначалу она лезла наверх с какой-то отчаянной бесшабашностью: на авось прыгала с уступа на уступ, почему-то уверенная, что удача и в этот раз подсунет ей за что ухватиться. И удача, пополам с жаркой ненавистью и желанием отомстить, несла ее все выше. Однако скала делалась все круче, камень – все более скользким, а опора – все менее надежной. Ярость сменила тупая, опустошающая боль. И вот Ки висела, распластавшись на разогретом солнцем теле горы, плотно прижимаясь к нему лицом, и в душе ее не было ничего, кроме смерти. Она могла позволить себе передышку, но никак не отдых. Ее руки были вытянуты над головой; Ки не удавалось даже вздохнуть как следует, всей грудью. Перенапряженные мышцы буквально кричали, настоятельно требуя отдыха. Ки не обращала на них внимания.

Она стала подтягивать левую ногу. Пальцы, обтянутые мягким кожаным башмачком, искали хоть какую-нибудь ямку или выступ и наконец нащупали небольшое углубление в камне. Ки очень осторожно всунула туда кончики пальцев и попробовала опереться. Камень выдержал. Ки уперлась сильнее и потянулась вверх. Изломанный камень царапал ей грудь и живот, судорога, сводившая мышцы, стала невыносимой. Теперь она висела только на кончиках пальцев левой руки и левой ноги. Освобожденная правая рука заскользила вверх по гладкой поверхности скалы, разыскивая, за что бы уцепиться.

Ки на миг зажмурилась, стараясь проморгаться от пыли, едкого пота и волос, опять прилипших к ресницам. Она плотно прижималась лбом к камню. Мышцы левой руки свело уже так, что она не чувствовала пальцев. Но вот ее ищущая ладонь обнаружила какую-то опору. Пальцы заползли в трещину – глубже, еще глубже... Отлично. Ки с шипением вобрала в себя воздух. Трещина, которую нашла правая рука, была высоко у нее над головой.

Она еще немного приподнялась на левой ноге и перенесла часть своего веса на правую руку, высвобождая левую для поиска новой опоры. Отзываясь болью, рука медленно и мучительно поползла вверх, чтобы нащарить карнизик примерно на одном уровне с тем, за который цеплялась ее правая. Не щадя протестующих мышц, Ки вытянулась на левой ноге, вставая на цыпочки и...

...и ее щиколотка болезненно чиркнула по ребру скалы: под ногой более не было опоры – камень снова раскрошился в самый неподходящий момент. Ки слышала, как с треском и стуком катились вниз каменные осколки. Мысленно она уже летела следом за ними, ударяясь о выступы камня и пятная кровью откос. Когда она осознала, что не падает, а висит на прежнем месте, у нее вырвался всхлип. Руки, вытянутые над головой, по-прежнему цепко держались за край карниза. Пальцы правой ноги вжимались в трещину. Левая слепо ерзала по скале, пока не нашла крохотный выступ и не оперлась на него.

Ки понадобилось все ее мужество, чтобы чуть-чуть повернуть голову и снова посмотреть через плечо. Смотреть, впрочем, было особенно не на что. Никаких трещин, куда можно было бы запустить руку, никаких удобных уступов, куда можно было бы отползти боком. Гладкая темно-серая скала, лоснящаяся на солнце. Ки висела на ней, вытянувшись до предела. Двигаться было некуда – только вверх или вниз. Ки покосилась вниз... кишки в животе начали завязываться узлами, и она поняла, что у нее остался один путь – вверх. Она не стала тратить время на бесполезные размышления. Набрав полную грудь воздуха – насколько это вообще было возможно – и чуть-чуть обвиснув на руках, она изо всех сил оттолкнулась ногами, бросая все тело вверх.

Ее левая ладонь шлепнула по горизонтальной поверхности. В следующий миг Ки снова повисла на руках, но кое-что удалось отвоевать: вся ее левая лежала на карнизе. Там же оказалась и правая – по локоть. Едкий пот обжигал исцарапанные ребра и живот. Ноги, не находя больше опоры, висели над пустотой...

Ки начала подтягиваться. На гладком карнизе не за что было уцепиться, и руки начали соскальзывать. В лицо посыпалась потревоженная пыль, веточки, каменная крошка. Прутья застревали в волосах, пыль запорошила глаза. Ки задыхалась, прилагая отчаянные усилия, чтобы не закашляться. Поборов приступ, она позволила себе несколько коротких вдохов, наполнив мучительно горевшие легкие. Истерзанные мышцы готовы были отказать, спина выгнулась дугой, внизу была пустота. Ки явственно представила себе, как лопаются сухожилия, как выворачивает из суставов кости... *Нет, не смей даже думать об этом. Заставь взмокшее, загнанное тело еще раз выпрямиться и напрячься.* Ки что было мочи налегла на руки, ЗАПРЕТИВ им съезжать к краю карниза. Она висела над бездной буквально на волоске. Нет, невозможно. Даже в отдохнувшем и свежем состоянии она ни за что не сумела бы таким образом подтянуться.

Все-таки она заставила надсаженные мышцы попробовать...

Обдирая о камень лицо, Ки подняла голову. Теперь она, по крайней мере, смотрела вверх, а не на серую поверхность возле самого носа. Потом болезненным усилием она напрягла живот, подтягивая и сгибая ноги. Вися с паучьей цепкостью почти без опоры, Ки коротко, судорожно вздохнула, а потом что было сил взбрыкнула ногами. Как ни странно, это жалкое усилие возымело должное действие: оба ее локтя оказались на карнизе.

Она снова попробовала подтянуться. Левое запястье рванула внезапная боль, мгновенно распространившаяся до плеча. На этой руке ей несколько раньше случилось повиснуть всем телом, когда правая неожиданно потеряла опору. Новое усилие вызвало волну боли, достигшую позвоночника. Ки стиснула зубы. Нет. Она не поддастся. Нет!

Непослушное тело тем временем мало-помалу ползло вверх, и вот уже Ки смогла осмотреть карниз, на котором покоились ее локти. Воспаленные глаза заливал пот. Дожди и ветер щедро усыпали каменную складку всяческим хламом: ветками и тонкими прутиками с кустов, росших ближе к вершине, обломками камня и мелкой щебенкой, кое-где истертой в черный песок. Сперва Ки поняла только одно: карниз был достаточно широк, чтобы на нем смогло уместиться все ее тело. Потом ее взгляд скользнул несколько дальше. Там, в дальнем углу, часть карниза была отгорожена высоким завалом из веток и сучьев. Позади него ветерок шевелил тяжелую тканую занавесь. Уютное местечко, прикрытое плечом скалы от холодных горных ветров. Перед занавесью на карнизе во множестве валялись какие-то старые кости и гниющие клочки недоеденного мяса. Оттуда шла жуткая вонь – запах смерти. Ки явственно ощущала его...

Она вдруг почувствовала невероятный прилив сил. Ее плечи готовы были затрещать, но она зацепилась за карниз подбородком, потом подтянулась еще и навалилась грудью на край. Обдираясь, Ки мало-помалу втягивала себя наверх. Был миг ужаса, когда она застряла и какое-то время не могла сдвинуться с места. Она знала, что ее держало. У нее на ремне висел нож Свена, вдетый в хорошие ножны из тисненой кожи. Эти-то ножны и зацепились за краешек карниза. Ки рванулась, но без толку: большая часть ее тела еще болталась над бездной. Распластанные ладони не находили зацепки. Ужас придавал Ки сил: она изогнулась, пытаясь боком забросить ноги на карниз. Она больно отбила о камень бедро, но удача ей улыбнулась. И ступни, и колени оказались наверху.

Она победила.

Ки перекатилась на спину и некоторое время лежала неподвижно, только мышцы продолжали судорожно подергиваться. Из голубой бездны неба на нее взирал беспощадный белый глаз солнца. Кроме солнца, в небе ничего не было видно. Значит, подумала Ки, время еще есть.

Она перевернулась на живот и с немалым усилием встала сперва на четвереньки, потом и во весь рост. Она попыталась было оглядеться кругом, но от жуткой высоты у нее сразу закружилась голова и тошнота подступила к горлу. Ки поспешно сосредоточила взгляд на том, что находилось непосредственно перед ней. Только ледяное торжество – все-таки она достигла цели! – помогло ей кое-как успокоиться. Она утерла взмокший лоб рукавом, окончательно измазав себе лицо шершавой каменной крошкой. Бешено колотившееся сердце медленно успокаивалось.

Тканая занавесь легонько хлопала на ветру. Ки смотрела на нее, чувствуя, как из глубины ее существа снова поднимается ярость. Пусть ярость овладеет ею как следует и придаст ей решимости.

– Как я своих нашла, так и ты своих найдешь... – пообещала она вслух и шагнула к занавеси. Что-то со стуком покатилося у нее из-под ног. Палка?.. Ки глянула вниз. Это была кость – серо-коричневая кость со все еще болтавшимися обрывками сухожилий. Ки стиснула зубы...

Она миновала церемониальное гнездо при входе – дань традиции, которую народ гарпий неукоснительно соблюдал. Этот их обычай был одним из немногих общеизвестных. Занавесь

же была своего рода границей, из-за которой ни разу еще не выходил живым ни один человек. Рука женщины невольно потянулась к поясному ножу. Это был не ее нож – раньше его носил Свен. На ножнах еще сохранились следы его крови. Ки резко выдохнула, пытаясь очистить ноздри от трупного смрада, и осторожно отодвинула занавесь.

Внутри гнезда-логова царил полумрак. Сердце Ки снова заколотилось у горла, в висках застучало. Она шагнула внутрь и опустила за собой занавесь.

Логово было глубоко врублено в толщу утеса; на камне еще виднелись следы резца. В стенной нише горел плоский светильник. Когда Ки вошла, крохотное пламя замерцало, но не погасло. В других нишах и на каменных полочках было разложено имущество: набор медных бубенцов, резная деревянная статуэтка пикирующей гарпии с грозно выставленными когтями, украшения из слоновой кости и серебра, небрежно сваленные в кучку, камнерезные инструменты и еще масса предметов, назначение которых Ки не взялась бы объяснить. Она и не стала гадать, просто прошла мимо.

В ближнем углу комнаты виднелась неглубокая ниша и в ней – соломенная постель, застеленная толстыми плетеными покрывалами и одеялами из роскошных мехов. На постели никого не было, но Ки отвернулась. Она не искала добычи и уж тем более не собиралась здесь спать. Взяв из ниши светильник, она вытянула фитилек, чтобы пламя разгорелось поярче. Неровный каменный пол был удивительно чист. Никаких обрывков мяса, никаких костей под ногами. Здесь жили разумные, более того – цивилизованные существа. Ки сжала зубы, крепко стискивая рукоять Свенова ножа и пытаясь укрепиться в своей мрачной решимости. На глаза ей попался ткацкий станок с наполовину вытканной шпалерой, изображавшей пару гарпий в брачном полете. Позади станка стояла темно-синяя ширма, разрисованная летними звездами. Заглянув за ширму, Ки обнаружила то, что искала.

Это углубление было побольше первого, а желтая солома в нем еще хранила аромат только что сжатого поля. Покрывала, брошенные на солому, были раскрашены во все оттенки синего и голубого, а сверху покоилась цельная шкура какого-то гигантского белого зверя. Ки запустила пальцы в мягкий белоснежный мех и приподняла краешек тяжелой шкуры. Невольная мысль посетила ее – какому зверю мог принадлежать такой мех?.. Ки прогнала лишнюю мысль прочь. Надо сделать то, зачем она сюда пришла. Она покрепче перехватила угол шкуры и откинула ее прочь, едва не вывернув себе плечо. И удовлетворенно зашипела сквозь зубы.

Три яйца. Яйца таких размеров, что Ки едва сумела бы обхватить и унести хоть одно. Скорлупа у яиц была крапчатая, темно-коричневая. Каждое лежало закутанное в отдельное покрывало, не соприкасаясь с другими. Скорлупа яиц казалась кожистой – пленцы готовы были вот-вот выйти наружу. Ки, наверное, вдребезги разбила бы их и кулаком, но она вытащила нож Свена и медленно подошла к яйцам. Солома и покрывала промялись под ее коленом. Одно из яиц сдвинулось с места и тяжело перекаатилось ей навстречу...

Что-то коснулось головы Ки, и она невольно отшатнулась прочь. Потом посмотрела вверх, светя себе маленькой масляной лампой. Над ее головой раскачивались игрушки, прикрепленные тонкими нитями к деревянной балке. Целая стая крохотных гарпий, тщательно, с любовью вырезанных и раскрашенных. Потрясенные ее движением, они кружились, словно птицы над пищей. Их яркие, разноцветные крылья были распахнуты в полете, а клювы, похожие на черепашки, казалось, вот-вот весело защечечут и засвистят. Крохотные глаза блестели позолотой, точь-в-точь как прозрачно-золотые глаза живых гарпий...

Они раскачивались и кружились. Игрушки. ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ...

От этой простой мысли Ки затрясло. Детские игрушки. Такие же, как куклы на веревочках или деревянные лошадки с колесиками. Игрушки для разумного, любопытного малыша. Ки посмотрела на нож Свена в своей руке, потом снова на яйца, покоившиеся в уютных, теплых кроватках. То, что лежало к ней ближе других, неожиданно вздрогнуло и снова замерло. Так дитя толкается в животе...

Ки почувствовала, как ненависть, поддерживавшая ее все это время, с пугающей быстротой испаряется неизвестно куда. Ярость и жажда праведной мести внезапно сменились безумным отвращением к тому, что она собиралась сделать. Нож вывалился из руки и упал на пол. Вкус желчи во рту показался Ки вкусом ее ненависти к гарпиям. Она не могла освободиться ни от того, ни от другого. Но и совершить месть, за которой она пришла, было свыше ее сил.

Ее вновь затошнило, изо рта и носа хлынула горькая жидкость. Дух мести боролся в ней с духом справедливости, и эта борьба выворачивала тело наизнанку. Ки задыхалась, дрожа всем телом. Пощадить значило проявить мерзкое слабодушие. Убийство же станет подлостью, трусливой и не менее мерзкой...

Вот они, яйца. Нож лежит на полу, только поднять. Миг – и скорлупа будет вспорота; это не труднее, чем снять шкурку с перезревшего на солнце плода. Яйца лопнут и разольются, и маленькие гарпии умрут, не родившись. Крохотные прозрачные крылышки никогда не превратятся в широкие кожистые крылья. Слепые, безгласные мордочки никогда не озарятся умом, жадностью и насмешкой. Мягкие коготки никогда не затвердеют и не научатся раздирать плоть, а передние лапки так навсегда и останутся скрюченными у груди...

Ки нагнулась за ножом. Сейчас она увидит эти личики нерожденных с их клювами, сомкнутыми в дурацкой, с точки зрения человека, ухмылке. Их глаза, затянутые пленочкой век, злобные глаза под личиной детской невинности...

Детской невинности...

Рука с поднятым ножом вновь медленно опустилась и повисла вдоль тела. Ки замотала головой – слезы ярости жгли ей глаза. Весь этот месяц она только и бредила местию. Месть была ее пищей и утешением. И вот она готова осуществиться. Осталось только дать выход горю и гневу. Но Ки не могла.

И тут в логово хлынул поток яркого света, мгновенно затмившего маленький светильник, который держала в руках Ки. Женщина тупо уставилась на выросший в дверях силуэт. Это был самец; его бирюзовое оперение переливалось в солнечных лучах. Рослая фигура заполнила весь проем – рядом с гарпией Ки казалась ребенком. Мерцающие золотые глаза тотчас остановились на ней, с ножом в руках склонившейся над его потомством. Ответный взгляд зеленых глаз женщины был полон жуткого ликования. Вот теперь она действительно отомстит. Перед нею был зверь. Людоед. Детоубийца. А вовсе не то разумное, заботливое существо, за которого его пыталась выдать эта пещера. Ки не двинулась ему навстречу. Она стояла неподвижно и молча ждала, держа нож наготове.

С какой легкостью он упал бы на нее с небес, швырнул оземь, разорвал, точно кролика, страшными когтями и до отвала наелся ее мяса!.. Нет, теперь они оба стояли внутри логова, и над их головами громоздилась скала. Самец-гарпия был вовсе не создан для того, чтобы сражаться на земле. Тем не менее, длинные птичьи ноги с силой бросили его вперед, яростный свист отдался в стенах пещеры. Он протянул к Ки передние лапы – маленькие, не больше ее собственных рук. Куда грознее оказался взмах его огромных кожистых крыльев.

Удар швырнул женщину на колени и вышиб у нее светильник, полный масла и еще продолжавший гореть. Концы перьев хлестнули Ки по глазам, ослепив ее на какое-то время. Она извивалась на полу, ощупью разыскивая оброненный нож. Пол под ее пальцами был холоден и тверд. Она никак не могла отыскать нож. Потом Ки услышала над собой смех гарпии – тот самый злобный хохот, что так долго снился ей по ночам. Она закричала в ответ, издав звериный вопль, полный ненависти и страдания. Рассвирепевший самец отозвался пронзительным криком. Ки поднялась с пола, плача от ярости. Она была по-прежнему безоружна. Но, по крайней мере, она встретит его стоя...

В следующий миг она снова полетела на пол, сбита броском гарпии. До нее не сразу дошло, что самец кинулся куда-то мимо нее. Покамест Ки ощущала лишь боль: она упала на бок и сильно расшибла бедро и плечо. Особенно плохо пришлось бедру, потому что оно

угодило как раз на рукоятку откатившегося ножа. Ки мигом подхватила нож и вскочила на ноги, чтобы достойно встретить новую атаку самца...

Но ее так и не последовало.

Перед глазами Ки взвился желтый огонь, ярко озаривший всю заднюю часть пещеры. Это масло из перевернутой лампы залило солому и покрывала гнезда, в котором покоились яйца. Туда же упал тлеющий фитилек и...

Сухую солому мгновенно охватило гудящее пламя. Его языки облизали расписанную звездами ширму и перекинулись на ткацкий станок с недоделанной шпалерой. А в самой середине плавающего гнезда, точно демон, восставший из ада, стоял самец-гарпия. Передними лапами он прижимал к груди одно из яиц. Ревущий огонь окутывал его крылья – кожистые перепонки скручивались и чернели, распространяя ужасающую вонь. Он страшно закричал от боли и ненависти, но этот крик не заглушил двойного хлопка – это у его ног почти одновременно лопнули от жара два оставшихся яйца. Жидкость вылилась наружу, с шипением гася пламя, но пожар был слишком силен: она закипела, повалил смрадный пар пополам с дымом. Ки попятилась прочь, вскидывая руку к лицу, – зрелище, представшее ее глазам, и запах, ударивший в ноздри, были равно невыносимы. Она споткнулась на неровном полу... и тут же кто-то накинулся на нее сзади. Ки отчаянно забилась, ощущая объятия пернатого существа... которое оказалось всего лишь входной занавесью. Сорвав ее с петель, Ки кое-как выпуталась и, моргая, выбралась наружу. Скальный карниз был залит ярким солнечным светом. Ки обвела его непонимающим взглядом. До сих пор она всего менее задавалась вопросом – как же спуститься отсюда, свершив месть? Она помышляла только о возмездии. Но судьба, словно в насмешку, помешала ей исполнить задуманное да еще и оставила ее в живых...

Свистящий крик заставил Ки вскинуть глаза. Она сразу заметила над собой черную точку, которая падала на нее с неба, стремительно увеличиваясь в размерах. Ки инстинктивно отпрянула в сторону, пригибаясь, готовясь к неминуемой схватке. Пятнышко росло на глазах: вот оно стало величиной с ястреба... потом с орла... и, наконец, превратилось в пикирующую гарпию. Не узнать ее было невозможно. Зеленовато-голубое оперение и такая же шкура ярко выделялись в бледной голубизне неба. Длинные тонкие перья развевались, точно грива бирюзовых волос. Самка стрелой падала на Ки со стороны солнца...

На голом карнизе негде было спрятаться, некуда скрыться. Не было даже ниши, которая помогла бы оборониться. Женщина стиснула обеими руками нож и подняла его высоко над головой острием вверх. Она знала, что страшные когти прикончат ее с первого же удара, и мечтала лишь об одном: ощутить перед смертью, как лезвие ее ножа впивается в плоть...

Но гарпия отвернула в сторону. Ее яростный свист сменился душераздирающим криком, до того похожим на человеческий, что Ки невольно вскрикнула тоже. Гарпия широко распахнула крылья и отчаянно забила ими, пытаясь погасить скорость. Ки была позабыта. Маленькие костлявые передние лапы-ручки самки протянулись навстречу жуткой фигуре, которая, шатаясь, шагнула ей навстречу из дымящегося устья пещеры. Это был самец. Он попытался расправить крылья, и обугленные перья посыпались, догорая, на камни карниза. Самец широко разевал тупой черепаший клюв, жадно вдыхая чистый воздух. Глаза прикрывала белая защитная пленка. Ки неподвижно смотрела на него: ужас приковал ее к месту. Вот он упал на колени, потом осел набок, по-прежнему прижимая кожистое яйцо к выпуклой птичьей груди... его руки судорожно дернулись, яйцо выскользнуло и разбилось, ударившись о камень. Хлынула жидкость, и нерожденный младенец наполовину вывалился, наполовину выплыл наружу. Ки видела, как маленькое тельце забилось в конвульсиях, расплескивая образовавшуюся лужу... и застыло.

Самка опустила, наконец, на карниз, и ветер, поднятый ее крыльями, едва не смахнул Ки вниз. Золотые глаза гарпии перебежали с уничтоженного яйца к неподвижному дымяще-

муся телу самца и обратно. Из входа в сторевшее логово вырывались черные клубы омерзительно пахнувшей гари...

Она стремительно повернулась к Ки; ее кожистые крылья все еще были наполовину развернуты.

– Погибли!.. Все погибли!.. – прокричала она. Гибель целого мира звенела в этих словах.

– Как мои! Как мои!.. – выкрикнула Ки в ответ. Горькая мука невосполнимой утраты взорвалась внутри, словно обманчиво подсохший нарыв. Гарпия бросилась в атаку. Ки метнулась навстречу...

Широкие крылья не успели оглушить Ки ударом: мгновение – и она подскочила вплотную. Она едва доставала гарпии макушкой до грудинной кости. Какое счастье, подумалось Ки, что ей досталось биться с этой тварью на карнизе, где гарпия не могла обрушиться на нее сверху и разодрать ударом когтей...

Цепкие пальцы самки вцепились Ки в волосы, широкий клюв навис над ее затылком, обдавая женщину смрадным дыханием. Ки видела, как начала подниматься задняя лапа, увенчанная громадными когтями. Сейчас эти когти вопьются в ее живот и вырвут внутренности. Ки приняла единственно правильное решение и не стала сопротивляться гарпии, подтаскивавшей ее все ближе к своей пернатой груди. Наоборот, она сама подалась вперед и с размаху ударила в эту грудь головой. Ее левая рука с отчаянной силой перехватила правое запястье гарпии. Прыжком рванувшись вверх, она обвила самку поперек тела ногами, уходя от удара грозных когтей. Одновременно ее правая рука, сжимавшая нож, взвилась над головой и нанесла удар. Сперва лезвие скользнуло по ребрам, но затем коснулось мускулистого живота. Гарпия пошатнулась. Ки что было сил сжимала рукоять ножа и втягивала голову в плечи, уберегая ее от неистово щелкавшего клюва. Крепкую шкуру гарпии распороть было непросто, но ненависть добавила Ки сил: рана постепенно углублялась. Громадные крылья яростно хлопали, но Ки цепко висела на брюхе противницы, прижимаясь теснее самого страстного возлюбленного.

Гарпия развернула крылья во всю ширину. Последовал сильный рывок вверх. Ки еще сильнее напрягла ноги, не позволяя гарпии стряхнуть себя на острые камни внизу. Она видела, как уплыл в сторону каменный карниз. Сперва гарпия круто взвилась вверх, потом закружилась и стала спускаться. Ее передние лапы рвали волосы Ки, пытаясь сломать женщине шею. Голова Ки моталась, она перестала понимать, где верх, где низ. Ключья неба проносились мимо нее, то возникая, то прячась за бешено работающими крыльями. Ки вжималась лицом в тело гарпии, уходя от крючковатых пальцев, тянувшихся к ее глазам. Куда они летели – к земле или от земли? Ки не знала. Ее ногти впивались в костлявое запястье гарпии. Та высвободила руку, шарившую по лицу Ки...

Извернувшись, женщина умудрилась пнуть гарпию коленом в живот, сбив тем самым размеренный ритм ее крыльев. Ее ноги сейчас же снова оплели тело самки, а рука выдернула нож. Ки дотянулась как можно выше и до рукояти всадила нож Свена гарпии в грудь...

Раздался крик. Совершенно человеческий крик. Полет превратился в беспорядочное падение. Крылья гарпии еще продолжали бить, но удержать ее в воздухе уже не могли. Два тела падали с высоты, тесно сплетенные в смертельном объятии. Ки закричала, но не от страха: страха для нее больше не существовало. Гарпия умолкла. Может быть, она была уже мертва и движения ее крыльев были всего лишь конвульсиями бездыханного тела. Небо и скалы безостановочно менялись местами. Вот кончик крыла задел поверхность утеса, развернув их и на какой-то миг замедлив падение. Кровь гарпии залила Ки лицо, и та ощутила на своих губах ее вкус. Она по-прежнему крепко держалась за тело врага...

А потом откуда-то снизу протянулись колючие древесные ветви и вырвали их из объятий друг друга.

Когда Ки открыла глаза, стоял уже вечер. Она равнодушно посмотрела на свои ноги, застрявшие в изломанном кустарнике; голова и плечи Ки упирались в землю. При желании

можно было проследить, как она катилась. Ее падение основательно помяло густой куст, впус- тив лучи заходящего солнца в самую его глубину. Ки лежала неподвижно, глядя на луну, уже начинавшую свое еженощное путешествие на другой край неба. Ромни верили, что луна видит все, что делается на свете, и все запоминает. Ки глуповато улыбнулась ночному светилу. Луне ни к чему больше за ней наблюдать. С ней покончено. Луна уже видела все, что Ки суждено было совершить в своей жизни. Все дела были сделаны, ничего не осталось. Ки закрыла глаза...

Когда она открыла их снова, луна уже стояла выше и любопытно заглядывала между обломанными ветвями. Тело Ки испытывало жажду. Сама Ки не имела никакого отношения к этим потребностям, но тело настырно требовало внимания. Ки долго прислушивалась к ощу- щениям в пересохшем горле и во рту. Потом попробовала пошевелиться.

Она высвободила ноги, и они оказались на земле. Ки совсем не чувствовала своей левой руки. Она поискала ее глазами и убедилась, что рука была все еще при ней. Дотянувшись пра- вой рукой, она подняла ее и устроила у себя на груди. Потом медленно перекатилась на пра- вый бок, ожидая, что вывихнутое плечо откликнется болью, но боли не было. Плечо попросту отнялось. Ки посмотрела перед собой и встретила глазами с мертвой гарпией.

До нее можно было дотянуться рукой. Мертвая, она напоминала бумажного змея, смя- того порывом ветра. Ки заглянула в глубину золотых глаз, которые смерть начала уже перекра- шивать в гнилостно-коричневый цвет. Ки смотрела холодно. Она была рада, что они сража- лись, что ей все-таки довелось раскромсать эту плоть и пролить кровь. Знать бы еще, помнит ли гарпия в той преисподней, куда провалилась, какой смертью она умерла? Угрюмо улыбнув- шись, Ки приподнялась на колени, потом заставила разбитое тело выпрямиться во весь рост. Она будет жить. По крайней мере пока. Она так решила.

Ки посмотрела на звезды, высыпавшие в ночном небе. С того момента, когда она начала подъем на скалу, прошло уже немалое время, и еще большее – с тех пор, как она оставила в укромном месте свой фургон и упряжку. Ки прикинула направление, провела рукой по лицу, отдирая спекшуюся кровь и прилипшие волосы, и, хромая, зашагала через лес.

Небо понемногу серело, а окружающие предметы приобретали цвет, когда слуха Ки кос- нулось приветливое пофыркивание упряжных коней, издаലെка учуявших хозяйку. Ки хотела окликнуть их, но пересохшее горло отказалось повиноваться. Она пошла туда, откуда слыша- лось фырканье.

Ее фургон стоял на небольшой полянке в лесу. Кони – она не стала стреноживать их перед уходом – подняли головы и с любопытством уставились на Ки. Один из них, по имени Сигурд, сразу почуял запах гарпии и, подозрительно фыркнув, на всякий случай отодвинулся подальше. Второй, кроткий Сигмунд, шарахнулся только тогда, когда она подошла совсем близко и на него повеяло запахом крови. Ки проковыляла мимо него к бочонку с водой, притороченному к боку фургона. Она открыла краник и предоставила воде литься, щедрыми горстями умы- вая руки, лицо, а потом и голову. Кое как отмывшись от грязи, она принялась жадно пить. Прохладная вода пробудила к жизни ее плечо: боль жгла, как раскаленное железо, загнанное глубоко в тело. С трудом разогнувшись, Ки завернула краник, потом безвольно осела наземь прямо посреди мокрого пятна, оставленного ее умыванием.

Плечо начало распухать, рукав кожаной куртки сделался тесен. Нужно найти помощь, пока она окончательно не ослабела. Ки с трудом вскарабкалась по высокому желтому колесу фургона на дощатое сиденье. За ним находилась кабинка, в которой она, возчица, жила и содер- жала свое хозяйство. Ки неуклюже забралась внутрь, постаравшись не задеть больным плечом за косяк узенькой дверцы. Спальная полка находилась высоко, и у Ки не было сил легко вспрыг- нуть туда, как она это проделывала когда-то. Одежда, сложенные на соломенном тюфячке, так и притягивали взгляд, но Ки не могла позволить себе передышки.

На стенах тесной кабинки было полно всевозможных полочек, шкафчиков, крючков и деревянных гвоздей. Ки вытянула один из ящиков и извлекла из него рваные остатки старень-

кой юбки. Действуя здоровой рукой и зубами, она оторвала кусок и соорудила из него повязку, подвесив больную руку на груди. Потом оторвала колбаску от длинной связки, свисавшей с крюка на низком потолке. Ки впиалась зубами в жесткое, прямое мясо, и пустой желудок немедленно откликнулся голодным ворчанием: с тех пор, как она ела в последний раз, минул целый день и целая ночь. Лицо у Ки тоже болело, особенно больно было двигать челюстью. Ки вспомнила лапу гарпии, стиснувшую ее лицо. Она проглотила разжеванный кусок и откусила еще.

В крохотное окошко кабинки проникал серый утренний свет, но Ки в нем не нуждалась. Она и так наизусть знала здесь каждую мелочь. Запасная рубашка Свена по-прежнему висела на привычном гвозде. На полке валялась раскрашенная деревянная кукла-марионетка: неловкие пальчики маленького Ларса перепутали нити. На другой полке лежала игрушечная лошадка, лишь наполовину проклюнувшаяся из толстого чурбака. Рядом лежали резцы и стамески Свена. Никогда ему уже не доделать игрушку сынишке. Ки вспомнила, как он сидел у огня, как осторожно двигались его огромные руки, бережно выпуская лошадку из толщи чурбака. А рядом с ним, прильнув кудрявой беленькой головкой к отцовскому боку, сидела малышка Рисса. Вечно она совала носик чуть не под лезвие его ножа, двигавшегося так медленно, так осторожно...

Ки выбралась из кабинки и, скрипя зубами, спустилась на землю. Подняла здоровой рукой тяжелые, толстые ремни сбруи и негромко звякнула ими. Громадные серые кони послушно подошли к ней. Их немало озадачил ее хриплый, каркающий голос, но Ки, то подталкивая, то умоляя, заставила их встать как положено. Она надевала упряжь и застегивала многочисленные пряжки, действуя по-прежнему одной рукой и зубами.

Наконец она забралась на сиденье и собрала вожжи. Ударом пятки сняла фургон с тормоза... Никто не подбежал и не забрался по колесу, торопясь занять место рядом с нею. Там, где к ней прижималось бы теплое детское тельце, теперь дышал холодом стылый утренний воздух. Напоследок Ки бросила усталый взгляд в небо. Оно было синим и совершенно пустым. Она все-таки изгнала с этого неба зловещие крылья. Ки пожала плечами и легонько встряхнула вожжи. Серые кони напряглись и потянули. Ки поехала вперед.

Одна...

2

Ветер донес до слуха Ки смех, потом обрывки старой, с детства памятной песни, и ее губы тронула невольная улыбка. Серые тяжеловозы Сигурд и Сигмунд, и те навострили уши и принялись побыстрее переставлять могучие медлительные копыта. Они знали, что впереди ждал яркий костер, прохладная вода и лужайка с зеленой свежей травой. Еще там будут другие фургоны, множество детей, чьи маленькие руки так славно гладят и похлопывают по бокам, и, конечно, кони, выпряженные на ночь. Ки сразу заметила, как оживились ее любимцы, и ощутила это, будто невнятный попрек. Нет, в эту ночь Сигурд и Сигмунд не вкатят ее фургон в круг повозок ромни. Сколько времени минует, прежде чем она вновь решится въехать в их многолюдный лагерь и присоединиться к шумному веселью, сопровождавшему вечернюю пирушку?.. Может, вообще никогда. Слишком много призраков ехало вместе с нею в фургоне, глядяваясь сквозь ветви в мерцание костров за деревьями...

Ки достигла места, где от большака отделялась узенькая дорожка со следами колес. Дорожка вела по усеянной пнями просеке. Хорошее место, где заночевавших ромни никто не потревожит до самого утра. Серые замедлили шаг и попытались свернуть. Ки дернула вожжи, не давая упряжке сбиться с избранного ею пути. Она старалась не слушать дружелюбного ржания, которым пасшиеся кони приветствовали ее упряжку. Голоса ромни, сидевших вокруг костров, сделались громче: кочевой народ понял, что мимо проехал фургон. Кто-нибудь обязательно спросит: «Кто это был?», и ему расскажут – полупшепотом. Вот так. Если она и дальше будет держаться особняком, она, пожалуй, превратится в легенду. Ки, одинокая возчица с полным фургоном привидений. Она невесело улыбнулась. Ки, избравшая одиночество и тем поправшая обычай народа, который принял ее как свою...

С того дня, когда она сделала свой выбор, минуло уже два года. Дети, которые учились теперь говорить, были тогда едва заметными бугорками под фартуками у своих матерей.

Ки шаталась и едва не падала с сиденья, когда Сигурд и Сигмунд втащили фургон в круг света, в круг выстроившихся повозок...

Большой Оскар примчался бегом и подхватил начавшую падать Ки. Риффа приняла у него ее легкое тело и уложила на мягкие шкуры у костерка. Многоопытным движением она дернула и повернула больную руку Ки, вправляя плечо. Ки вздрогнула, но рука начала слушаться. Риффа укрепила тряпочную повязку и принесла Ки горячего, пряного чаю, заправленного целебными зельями. Ки бессильно лежала на меховых одеялах, следя глазами за тем, как рослые, крепкие мужчины-ромни распрягают ее тяжеловозов и уводят их прочь. Дети сновали кругом, по мере сил стараясь помочь взрослым: одни натаскали воды в опустошенные бочонки, другие вытащили из кабинки постель Ки и разложили ее на траве. Потом Ки уснула и проспала до самого утра. Весь следующий день она ничего не делала, только наблюдала за женщинами – полными, крупными, разодетыми в яркие цветные юбки и просторные, не стеснявшие движений рубахи. Темноголовые большеглазые дети в изорванных одежонках бегали туда и сюда, играли, смеялись и верещали.

Ки повидала немало народов, но среди ромни она более чем где-либо чувствовала себя дома...

В лагере было семь повозок и порядочная толпа людей. Женщины-ромни были рослыми, темноволосяными и полногрудыми. Их красота и могучая стать перекликалась, по мнению Ки, с великолепием их упряжных лошадей – рослых, тяжеловесных, с густыми длинными гривами и коротко подстриженными хвостами. Мужчины были вполне под стать своим подругам; возраст разве только добавлял им кряжистости – старики были несокрушимы, словно узловатые пни. А дети – дети играли в старые, как мир, детские игры, резвясь на мягком мху под деревьями. Люди ходили между фургонами. Кто-то раскладывал постели проветриваться на траве, кто-то

пек лепешки на плоских камнях в жару углей. Вот на просеку вышла из леса молодая пара: с пояса женщины свешивалась целая связка жирных, только что пойманных кроликов, а мужчина нес корзину диких слив, собранных в лесу. Ладони Оскара были перепачканы клейкой черной мазью, которой он пользовал треснувшее копыто коня. Риффа тоже знай хлопотала: пропитывала маслом сбрую, кормила грудью меньшого, латала протершееся одеяло... и при этом ни на шаг не отходила от Ки. Она приносила ей чай и еду, не дожидаясь, пока та попросит, и то и дело смазывала приятно холодившей мазью рваные раны у нее на лице. Ки ни о чем не спрашивали. Экая невидаль: муж и дети подевались неизвестно куда, а женщину точно злые собаки кусали. Ромни не любили растревлять раны – ни себе, ни другим. Этот народ поколениями привык к тому, что времена тяжелы и легче не делаются. Лучшим лекарством от всех бед они почитали молчание.

Мало-помалу сгустилась новая ночь, и на просеке ярче расцвели огненные цветы. Тени деревьев превратились в плотные стены бархатной тьмы, окружавшие просторный зал, крышей которому служило усыпанное звездами небо. В ночном воздухе разлилось тепло и удивительный, физически ощутимый покой. Дети заползли спать под уютные одеяла возле костров. А взрослые начали собираться к костру Риффы и Оскара. Каждый принес с собой по несколько поленьев; их подбрасывали и подбрасывали в огонь, пока его жар из приятного не сделался нестерпимым. Ки сидела чуть в стороне от всех, накинув на плечи одно из своих меховых одеял. Рука налилась тупой болью и глухо ныла. Когда Ки моргала или открывала рот, на лице натягивались засохшие струпья. Но боль тела мало что значила по сравнению с пустотой в душе и сознанием того, что ее незадавшаяся жизнь нынче ночью должна была перемениться в очередной раз – и опять к худшему.

Никто не сказал ей ни единого слова. Ки знала обычай, исполнения которого они от нее ожидали. Ей полагалось пойти к своему фургону и вынести все, что принадлежало Свену и детям. Скорбящие не должны хранить у себя имущество мертвых. Их надо раздать друзьям, освобождая души ушедших от всего, что окружало их на земле. А то, что для Ки слишком много значило, что она не сможет отдать – она подарит огню. Когда же в повозке останется только принадлежащее самой Ки, женщины расплетут ей волосы. Они распутают узелки и косички, означавшие траур, в знак того, что время скорби миновало. И в дальнейшем будут как можно реже поминать ее мертвых, дабы не тревожить их души в том мире, куда они унеслись...

Ки молча смотрела на языки пламени, тянувшиеся к небу. Кипящие клочья огня отрывались, взлетали и гасли высоко над костром. Ки не шевелилась. Ромни ждали...

Риффа первой набралась мужества и обратилась к Ки.

– Пора, сестра, – твердо проговорила она. – Ты знаешь, как тебе следует поступить. Когда уходил твой батюшка, Аэтан, ты ведь не колеблясь сделала все, что положено. Вставай, Ки. Пора! Пора оставить скорбь в прошлом!..

Ки выдохнула только одно слово:

– Нет.

Потом она поднялась на ноги и встала рядом с Риффой, лицом к другим ромни, ожидавшим возле костра. Забытое одеяло свалилось с ее плеч, и ночной холод разбередил раненое плечо, заставив его отозваться новой болью. Ки заговорила, ощущая при каждом движении, как натягиваются на лице подсохшие порезы.

– Нет, – повторила она громко и четко, так что слышали все. – Я еще не готова сделать это, друзья... Я еще не могу отдать прошлому свою скорбь. Да, я чту ваши обычаи... они ведь стали и моими... с самого детства, с тех пор как со многими из вас мы вместе играли... Но и к сердцу своему я не могу не прислушаться. И я... я пока не готова с ними проститься. Я не готова...

Множество темных глаз смотрело на нее спокойно и прямо. Ки знала: никто не станет попрекать ее, не закричит, не рассердится. Они лишь пожалеют ее, и то про себя. Они тихо

поговорят между собою, удрученные тем, что она так упорствовала в своем горе, не желая отрешиться от смертей, постигших ее семью. Самой Ки они ничего не скажут. Не выдадут себя ни словом, ни жестом. Она всего лишь станет среди них человеком-призраком, человеком-некак-все, добровольной изгнанницей. Никто из них больше не сможет иметь с нею дела, чтобы ее тоска по умершим не перекинулась и на их семьи. Ки знала, что они станут о ней говорить. «На двух коней разом не сядешь». Она должна сделать выбор – либо мертвые, либо живые...

Ки молча смотрела, как они расходились прочь, исчезая, словно струйки дыма в ночи. Каждого ждал свой костерок, спящие дети и расписная кибитка. Это были крытые жилые повозки ромни – народа-путешественника, одержимого тягой к перемене мест. Ки посмотрела на свой фургон. Две трети его занимал открытый кузов, предназначенный для всевозможных товаров, которые она покупала в одном месте, а продавала в другом. В отличие от беззаботных ромни, Ки никогда не рассчитывала, что дорога ее прокормит. Она никогда в полной мере не следовала обычаям народа, который считала родным.

– Все-таки я – не ромни, – сказала она вслух. Она ни к кому не обращалась – ей просто хотелось услышать, как прозвучат эти слова. Она даже вздрогнула, когда рядом прозвучало:

– Тогда кто же ты?

Только тут Ки заметила, что Риффа почему-то не ушла вместе с остальными и по-прежнему стояла рядом с ней в темноте. Их глаза встретились. Круглое лицо женщины с трудом угадывалось впотьмах – только блестящие, полные искреннего чувства глаза. Ки задумалась над ее вопросом, мысленно перебирая все когда-либо виденные ею народы, все города и поселки, чьи улицы когда-либо ложились под колеса ее фургона... Сколько племен, сколько обычаев! Но среди всего этого разнообразия не было ничего, что Ки хотелось бы назвать своим. Потом она задумалась о народе Свена – рослых, светловолосых земледельцах с дальнего севера. Ей предстояло отправиться туда, чтобы сообщить о его смерти. Может быть, ей следовало теперь назваться одной из них и попытаться жить по их обычаям?.. Подобная перспектива заставила Ки мысленно отшатнуться. Она ведь не пошла на это и тогда, когда они со Свеном поженились. Напротив, это Свен выстроил фургон, привел пару серых – и перенял ее образ жизни. Стал жить как ромни... И вот он был мертв, и с ним умерли его дети. А Ки не могла горевать о нем так, как полагалось бы женщине-ромни. Потому что сама она не была ромни.

Я не ромни, снова подумала Ки. Но кто же я?..

– Я – Ки, – сказала она, и в голосе ее прозвучала уверенность, которой она вовсе не ощущала. Риффа слушала ее, стоя рядом в темноте. В ее черных глазах отразился огонь. Потом она опустила взгляд.

– Что верно, то верно, – проговорила она. И добавила: – Возвращайся к нам, Ки, как только сможешь. Нам будет тебя недоставать...

Ки покинула стоянку ранним утром следующего дня, не дожидаясь, пока займется рассвет. Никто не пожелал ей счастливого пути. Ни одна живая душа не вышла посмотреть, как она уезжает; казалось, никто не услышал рокота и скрипа колес...

...Минуло время. И вот Ки снова ехала в темноте, на сей раз – вечерней. И, минуя стороной совсем другую стоянку ромни, гадала про себя: не было ли в том лагере кого-нибудь, кто ее знал? Потом невесело усмехнулась и повернула вопрос другой стороной: а найдутся ли теперь вообще какие-нибудь ромни, которые пожелают с ней знатья?..

Кони отрешенно шагали вперед, катя фургон безо всякого желания и азарта. Когда ступившийся мрак сделал дальнейшее путешествие невозможным, Ки выбрала место для стоянки. Дорога здесь расширялась; с одной стороны находилась утоптанная площадка, наверняка раскисавшая в дождь, но теперь ссохшаяся и кочковатая. Позади нее небольшой спуск вел к подсохшему болотцу, заросшему жесткой травой и чахлыми, низкорослыми деревьями-арфами. Воды для коней здесь, к сожалению, не было, но Ки несколько ранее напоила их из ручья, а ночью наверняка выпадет густая роса. Так что как-нибудь обойдутся.

Ки слезла с сиденья и распрягла серых, а потом, негромко приговаривая, обтерла обоих тряпкой, особенно в тех местах, где к потным шкурам прилепали ремни упряжи. Она не стала ни привязывать, ни стреноживать коней – просто пустила искать травку посочней. Двум громадным тяжеловозам требовалось невероятное количество корма, так что Ки приходилось постоянно заботиться об их пропитании. Она послушала, как они обрывали и пережевывали жилистую траву, и нагнулась поискать сушняка. Ветерок перебирал ветви деревьев-арф, и они отзывались негромким пением, словно струны.

Ки устроила костерок рядом с фургоном, по другую сторону от дороги. Нацедив в котелок воды из бочонка, она повесила его закипать над огнем. Потом наведальась в кабинку и вынесла съестные припасы: травы для заварки, вяленое мясо, сушеные коренья, черствый домашний хлеб и три сморщенных яблока. Положив травы в горшочек, она заварила их кипятком из котелка. В оставшуюся в котелке воду она бросила вяленое мясо и нарубленные коренья и опустилась на корточки, прислонившись спиной к выпуклой ступице колеса и ожидая, когда заварится чай. Она надкусила одно из яблок, и сейчас же, принявшись, подошли оба серых и полезли носами ей в руки, требуя угощения.

– Лакомки, – попрекнула их Ки.

Огромные кони аккуратно взяли яблоки с ее ладоней, схрумкали их и вновь взялись за траву. Ки вытерла руки о штаны и полезла в посудный ящик за кружкой.

Посудный ящик был приторочен сбоку фургона, рядом с бочонком для воды. Идея принадлежала Свену, не желавшему все время лазить в тесную кабинку и назад. Он терпеть не мог есть внутри, предпочитая обочину дороги в качестве обеденного стола. Ки с ним не спорила – ей было все равно... Откинув резную крышку, она вытащила одну кружку, одну неглубокую деревянную миску и еще деревянную ложку. Тоже одну. Остальное снова исчезло под крышкой.

Ки молча потягивала чай, ожидая, пока сварится мясо, и заодно обдумывая свой завтрашний путь. Ей не очень-то нравился ее нынешний подряд. Ей не нравился ни груз, ни заказчик, ни то, что предстояло ехать по незнакомой дороге, причем в крайне неподходящее время года. Здесь, на равнине, лето шло на убыль, а перед Ки лежал путь через холмы, где властвовала уже самая настоящая осень, и потом еще в горы, где и вовсе толком никогда не прекращалась зима. Ки нахмурилась. Свела же ее нелегкая с этим Ризусом. Ему, прах его побери, почему-то понадобилось предложить ей кучу денег за эту поездку да еще заявить – когда, мол, доставишь, тогда и ладно, не к спеху. Ки, помнится, сразу подумала о гораздо более удобном перевале Носильщиков, расположенном в какой-то неделе пути к югу. Ки полагала, что изрядный крюк, тем не менее, обернется выигрышем во времени. Но тут Ризус уперся. Он боялся, что на той дороге кто-нибудь выследит ее с грузом, и настоял на том, чтобы она ехала через перевал Две Сестры. Пусть это был непонятный каприз, но Ризус предложил за его исполнение дополнительную плату. Причем такую, что Ки решила пренебречь доводами здравого смысла. Ладно, завтра она будет в предгорьях. А к вечеру, если повезет, – на самом пороге перевала. Ки со вздохом подняла глаза и посмотрела на хребет, громоздившийся на горизонте. Неясная зубчатая тень, заслонявшая звезды...

Ки быстро съела тушеное мясо, не дожидаясь, пока оно остынет у нее в миске. Начисто вытерла хлебом миску и котелок и отправила хлеб в рот. Допила чай и выплеснула чайники в огонь. Потом с привычной аккуратностью убрала всю посуду на место. Обошла фургон кругом, проверяя, в каком состоянии колеса и утварь. В кузове фургона лежали мешки из грубой ткани, полные соли. Один из верхних мешков был, видимо, с дыркой – наружу высыпалось немного розоватого порошка. Ки еще посмотрела, как там ее кони, и полезла в кабинку.

Она держала в руке свечу, и тени, заполонившие кабинку, попрятались под кровать. Ки закрыла за собой узкую дверку и посмотрела в крохотное окошко. Оно выходило в другую сторону от дороги; в нем ничего не было видно, кроме ночного неба. Ки села на пол и устало

стянула с ног испаранные кожаные башмаки. Потерла глаза, почесала шею под волосами, все еще связанными в траурные узелки... Потом запустила палец в неприметную трещину в стенке фургона и вытащила небольшой деревянный гвоздь. Открылась потайная дверца, и Ки вынула то, что в действительности являлось ее грузом.

Маленький, почти невесомый кожаный мешочек лег ей на ладонь. Ки любовно подбрехала его на руке, и содержимое забренчало. Ки распустила завязки и перевернула мешочек. На ладонь выкатились огненные искры: три синих, красная, две большие прозрачные. Вот за что Ризус заплатил ей такую уйму денег.

– Слишком многие знают, чего я здесь понакупил, – доверительно сообщил он ей. Глаза его при этом знай обшаривали стены маленькой гостиничной комнаты, где он остановился. Он как раз наливал Ки вина, но руки тряслись, и вино выплеснулось через край. – Я знаю, что за мной следят. Я слышу по ночам, как кто-то ходит за дверью. Я придвигаю к двери стол... и все равно не могу спать. Они перережут мне горло!.. Ограбят!.. А что подумают обо мне дома, если я вернусь с пустыми руками? После стольких-то лет торговли и странствий!.. И зачем только я купил эти проклятые камни!.. Но, с другой стороны, когда еще подвернутся такие прекрасные самоцветы, да к тому же так дешево?.. Никогда еще у меня не было столь дивных камней... чистых, безупречных... Подумать только, какие деньги я выручу за них в Диблуне!

– Сперва надо их еще доставить туда, – заметила Ки.

У нее не было ни малейшего желания выслушивать его кудахтанье. Пусть переходит, наконец, к делу – или она пойдет искать заработка где-нибудь в другом месте. До сих пор ею двигала в основном жалость: Ризус случайно встретил ее на улице и так трогательно обрадовался знакомому лицу. Город же, где все это происходило, назывался соответственно – Сброд.

– Об этом не беспокойся – я такой план придумал! – гордо улыбнулся Ризус. Наклонился к ней через столик и перешел на шепот: – Я отправлю отсюда в Диблун троих нарочных – юнцов на быстрых конях, без поклажи, но вооруженных. И тебя. Но ты выедешь несколькими днями попозже, причем после того, как мы с тобой шумно разругаемся в нижней комнате за обедом... Понимаешь, к чему я клоню?

Ки медленно кивнула, но брови над настороженными зелеными глазами сдвинулись в одну черту:

– А что те молодые всадники? Их-то ты предупредишь, что они, может, жизнью заплатят за эту твою маленькую хитрость?

– Даже и не намекну. – Ризус красноречиво пожал плечами. – Они тоже повезут кое-что, хотя и несравнимо менее ценное. Знаешь ли, умный человек всегда может подыскать молодцов, для которых такая опасность – что пряная приправа. Так что тут никаких сложностей. К тому же им будет заплачено вперед... на всякий случай... Нет, Ки, главным моим посыльным будешь ты. Именно ты провезешь мои драгоценности через перевал. Кому придет в голову, что ради крохотного узелка снарядили громадный фургон? Особенно если мы нагрузим тебя мешками с солью для продажи по ту сторону гор?..

Ки молча смотрела в его маленькие, близко посаженные голубые глаза. Круглые, как у поросенка, подумалось ей, и прямо-таки погребенные в обширных бледных щеках. У Ризуса было массивное бочонкообразное тело на неправдоподобно тощих ногах. Тем не менее, он упорно одевался так, как одевались в этом городе состоятельные юнцы – вычурно и безвкусно. Его короткий алый плащ был того же цвета, что и облегающие штаны. Камзол, туго натянувшийся на животе, был полосатый, кричащих тонов. Ки опустила глаза, разглядывая испаранную столешницу. Можно ли, спросила она себя, ожидать настоящей деловой хватки от человека, подобным образом разодетого?.. Потом ее губы тронула улыбка. Разве не для этого самого Ризуса перевозила она всякую всячину с тех самых пор, как завела себе фургон? А прежде нее – Аэтан?.. Другое дело, Ризус никогда не был ее любимым клиентом. Слишком часто он путался с контрабандой, да и честно заработанные деньги отдавал с порядочным скрипом.

Сколько раз он принимался сыпать проклятиями, когда она принуждала его выполнить свою часть контракта. Но, когда ему вновь требовался заслуживающий абсолютного доверия возчик, Ризус моментально забывал прежние ссоры и разногласия. В общем, многовато воды утекло, чтобы рассуждать теперь о его здравом смысле. Или отсутствии такового.

Вот так и получилось, что Ки все же приняла половину щедро отсчитанных денег; остальное – после благополучной доставки. Будь на месте Ки кто-нибудь другой, Ризус точно извелся бы, беспокоясь за свои камушки. Но он знал Ки много лет и не имел ни малейшей причины подвергать сомнению ее честность.

Она провела в Сброде еще несколько дней, без большой спешки готовя фургон к дальней поездке. С Ризусом они постоянно виделись и были в глазах окружающих добрыми приятелями. Тем больше было потрясение, пережитое постояльцами гостиницы, когда однажды в тихом разговоре торговца и возчицы стали проскальзывать все более напряженные нотки, постепенно сменившиеся откровенной бранью. Ки поставила точку, обозвав его откормленным хряком в петушиных перьях. Ризус на это выплеснул ей в лицо содержимое своего стакана – местное бренди, огнем обжигавшее небо. После чего Ки стремительно вышла, по пути перевернув на Ризуса столик с только что поданным дорогим ужином...

Ки усмехнулась и убрала драгоценные камни обратно в тайник. Уж конечно, он обязательно припомнит ей эту выходку, когда они встретятся в Диблуне. Ругалась – и ругалась бы себе на здоровье, скажет он ей, но еда!.. Такая еда!.. Это грех, который он ей не скоро простит...

Ки задула свечу. Стащила в темноте курточку и пропыленные штаны – и, взобравшись на спальную лавку, зарылась под одеяла. Вытянулась во всю длину на пустой постели... и заснула.

3

Гостиница «У Сестер» располагалась на небольшом ровном пятачке, как раз в том месте, где предгорья уже всерьез подумывали, не пора ли им становиться горами. Вокруг гостиницы еще росли деревья, но ветви у всех были вытянуты в одну сторону. Несчастные, скрюченные деревья, изнуренные и обезображенные постоянной борьбой за жизнь. Сама гостиница – деревянный дом, серый от непогод – производила то же впечатление упрямого, цепкого выживания несмотря ни на что. Все ее окошки были снабжены плотными ставнями. Длинное приземистое здание, казалось, жалось к земле, прячась от неумолимого ветра. Ветер отдувал облезлый гостиничный значок, так что тот висел на цепях не вертикально, а под углом. Значок изображал двух человеческих женщин, слившихся в страстном объятии. Ки скептически осмотрела его. Художник явно имел весьма относительное понятие об устройстве человеческого тела. Интересно, подумала Ки, к какому народу принадлежит здешний хозяин. Во всяком случае, по виду двора этого нельзя было определить. Ки обнаружила там два открытых фургона и трех упряжных животных у коновязи. Позади гостиницы, впрочем, виднелось нечто вроде конюшни...

Ки натянула вожжи, и серые благодарно остановились. С самого утра они тащили фургон то по утоптанной земляной дороге, то по мелким камням. Покамест им не приходилось одолевать особенной крутизны, но постоянный подъем в гору все равно выматывал силы. Ки намотала вожжи на рукоять тормоза и спрыгнула с сиденья. Ей ничего не приходилось слышать про эту гостиницу – ни хорошего, ни дурного. И это при том, что у нее успели кончиться медяки. Стоит ли показывать в здешних местах чеканное серебро, хотя бы даже мелкое?.. Обдумывая это, Ки привычно запускала руки под сбрую, приподнимая тяжелые ремни и передвигая их поудобнее. Сигмунд опустил тяжелую голову и потерялся, напрашиваясь на ласку.

Ветер раздувал капюшон плаща Ки. Скрип, а затем стук деревянной двери заставил ее оглянуться. На пороге появился хозяин гостиницы, и загадка разрешилась: он принадлежал к племени динов. Он наклонился в сторону Ки, приглядываясь к стройной, худенькой фигурке в сапогах, кожаной рубашке и таких же штанах. Ки вперила в него пристальный взгляд, нарочно округлив свои зеленые глаза, и хозяин заметно смешался. Она на то и рассчитывала. Мало кто мог вынести взгляд блестящих, влажных человеческих глаз.

Дин не спеша соскользнул по пандусу крыльца и проследовал навстречу Ки через двор.

– Одна человек? – с акцентом спросил он на Общем.

Она кивнула и только потом вспомнила, что для динов этот взгляд мало что значил.

– Одна. И упряжка в две лошади, – ответила Ки. В самом деле, почему бы не попытаться.

– У нас есть комнат, подходящий для человек, – заверил ее дин. – Нужно только уважай наша обычай и заплати вперед за постой. Пол-медяка одна ночь для человек и за ужин. Один медяк за каждый лошадь... за такой большой лошадь!

Дин подошел совсем близко, притворяясь, будто любитесь Сигмундом, но надежда Ки на уютный ночлег начала испаряться. Серая макушка дина так и колыхалась: он силился осмотреть коней и притом не выдать себя. Ки смотрела, как раздувалось и опадало пухлое, лишенное конечностей тело. Она знала, что его гладкая, голая кожа не замечала ни холода, ни жары. А значит, ему дела не было до холодного, пронизывающего ветра, постоянно дувшего с гор. Предвидя, что он сейчас скажет, Ки молча забралась обратно на свое сиденье. И точно.

– Твои лошадь оскоплены! – объявил дин. Несмотря на акцент, в его невнятном голосе слышалось раздражение и гнев, а по телу распространился розовый румянец, выражавший у динов величайшее душевное волнение.

– Холостить упряжных коней – обычай моего народа, – ответила Ки и торопливо подобрала вожжи.

– Твоя не найдет здесь гостеприимный кров! – прогремел дин, исполненный сознания собственной правоты. – Мы не имеем дело с разумным существом, которое калечат другие существа ради своего удобства!

Ки устало кивнула, потом вновь облекла свой жест в слова:

– Да знаю я, знаю. Вот только посмотрела бы я на вас, динов, если бы кто-нибудь зазвонил тут у вас с парочкой жеребцов. Ладно, ладно, не пыхти! Уже уезжаю!

Ки тронула вожжи, и кони неохотно налегли, трогаясь с места. Большие желтые колеса начали поворачиваться.

– Перевал Две Сестры закрыта! – уже сзади с торжеством прокричал дин. – Твоя придется ехать обратно через холмы. А если твоя хочет в это время года через хребет, твоя отправляйся на юг, на перевал Носильщика!

– Я слышала, если постараться, можно проехать и здесь.

– Если твоя дурак, тогда попробуй! Уже выпало много снега! Поворачивай, твоя все равно не проедет. Твоя все равно вернется, а мы не пустим под кров!

– Я не вернусь, – пообещала Ки через плечо.

Скрип колес по изрытой дороге заглушил дальнейшие предостережения, которые дин продолжал выкрикивать ей вслед. Ки ехала вперед, стараясь как можно скорее позабыть о гостинице. Тоже еще размечталась. О куске свежего, сочного мяса. О мягкой пуховой перине в светлой, теплой, сухой комнатке... Ладно, утешила она сама себя. Все же знают, каковы гостиницы динов и что они подразумевают под «комнатами, подходящими для людей». Сами дины предпочитали жить в сырости. К тому же Ки не получила бы здесь ни мяса, ни пуховика, ни каких-либо животных продуктов – разве что влажную охапку прелой соломы да миску теплой овсянки. Удобства, которые дины предоставили бы человеку, этим и исчерпывались. В общем, есть о чем горевать.

И все же, все же... Ветер, холодивший лицо и руки, казался Ки вдвое злее, чем раньше, перед тем как она увидела гостиницу. Не останавливаясь, она растворила дверцу кабинки, наклонилась вовнутрь и выудила небольшой мех кислого вина. Ки смочила им рот, потом выпила глоточек. Давнишняя привычка заставляла ее строго беречь припасы, в особенности на незнакомой дороге, когда неизвестно, чего ждать впереди. Прежде чем выехать из Сброта, она запаслась всем необходимым. Однако привычка, выработанная всей жизнью, брала свое.

Сиденье плавно покачивалось под нею, восемь крепких копыт отбивали уверенный ритм. Ки посмотрела на широченные серые спины и, подбадривая коней, чуть-чуть тряхнула вожжами. Сигмунд мотнул головой – понял, дескать, – а Сигурд, настроенный по обыкновению скептически, фыркнул. Вынесут, подумала Ки. Они втроем много чего повидали. И ни разу еще друг друга не подводили...

В местах, которые они теперь проезжали, стояла уже глубокая осень. Трава по сторонам дороги совсем высохла, а ели налились темной зеленью, готовясь к зиме. Этак ко времени ночлега они, пожалуй, въедут уже в настоящую зиму. Иногда, особенно на поворотах, Ки видела между деревьями дорогу, извивавшуюся вверх по склону горы. Склон переливался в солнечных лучах белым, серым и голубоватым. Ки нахмурилась: больно уж странно проложен был этот тракт. Его, казалось, проложили таким образом, чтобы получилось как можно больше петель между гостиницей и собственно перевалом. Не было такой ложбинки, в которую он бы не нырнул, такого пригорка, за которым он бы не спрятался...

Когда Ки остановилась у гостиницы, была примерно середина утра; в полдень она сжевала полоску вяленого мяса, но остановку, чтобы приготовить еду, делать не стала. Еще будет время, когда темнота сделает дальнейшее движение невозможным. Сверху, с гор, навстречу Ки дул ветер – несильный, зато дышавший холодом вечных снегов. Ки поежилась, предчувствуя мороз, который ждал ее там, наверху.

Потом небольшой холмик заслонил фургон от ветра. Покачиваясь, он катился вперед, и поскрипывания деревянных сочленений казались Ки голосами каких-то зверюшек, беседовавших друг с другом. Это действовало усыпляюще. Где-нибудь на знакомом большаке Ки, пожалуй, поддалась бы искушению и задремала, предоставив серым самим шагать по дороге... Но здесь – нет. Ки выпрямила спину и нарочно откинула капюшон, чтобы ветер охлаждал ей лицо. На горной дороге наподобие этой в любой момент мог объявиться размытый каменистый брод или, не лучше того, вязкая грязная лужа. Еще не хватало проснуться от толчка, когда колеса с хлюпаньем увязнут в грязи или ось с треском врежется в камень...

Ки почесала шею сзади под волосами и созналась себе, что на нервы ей действовала еще и особая ценность перевозимого груза. Собственно, подобное тоже было ей не впервой. В разное время в потайном шкафчике путешествовали и драгоценные камни, и бумаги, признававшие наследницей незаконнорожденную дочь, а однажды – запретная книга, запечатанная от любопытных глаз зеленым воском, к которому приложил свой перстень колдун. Так что ценность груза была, в общем, ни при чем. Больше всего беспокоили Ки хитроумные предосторожности Ризуса. Что, если у толстячка была вовсе не мания преследования, как она привыкла считать? Что, если за ним и правда кто-то следил? Что, если ОНИ обратили внимание на разосланных им многочисленных нарочных и задумались, что бы это значило? А если еще принять во внимание напыщенные манеры самовлюбленного коротышки и его любовь к бренди... Да, такому, как Ризус, понадобятся величайшие усилия, чтобы не расхвастаться во хмелю о том, как ловко он всех обманул. Но даже если он и продержится после ее отъезда несколько дней, – можно ли сравнить черепашую скорость нагруженного фургона с резвым галопом всадника на быстром коне?... Надо ли говорить, что весь остаток дня Ки так и этак размышляла над этой возможностью. Дошло до того, что удивительно щедрая плата, предложенная Ризусом, и та стала казаться ей подозрительной...

Незадолго до темноты серые перебрались через широкую мелкую реку, пересекавшую дорогу. Переход оказался нетрудным: дно реки выстилала галька, мелкая и надежная под копытами. Выбравшись на ту сторону, Ки направила коней на небольшую ровную поляну, прикрытую от ветра зарослями низкорослого ельника. Что там встретится дальше – никому не известно, а здесь, по крайней мере, была вода и какое-никакое укрытие. Ки решила устроить ночлег.

Сперва она позаботилась о конях: вытерла обоих и укрыла каждого собственной попоной. Попоны были несколько поношенными: ей подарили их тогда же, когда и Сигурда с Сигмундом. На какой-то миг она снова увидела искорки смеха в синих глазах Свена – он так обрадовался ее изумлению, – ощутила шершавое прикосновение его огромных мозолистых ладоней, когда он вручал ей поводья диковато косившихся серых трехлеток. Новенькие, скрипучие поводья... Ки отогнала видение прочь. В то время попоны были великоваты коням. А теперь они почти вытерлись. При первом же случае выброшу их, куплю новые, твердо пообещала себе Ки. Она отлично знала, что не сделает этого.

Ки приподняла и переложила на другое место дырявый мешок с солью, лежавший в кузове фургона. Потом развязала тот, что лежал под ним, и вытрясла из него щедрую порцию зерна. Проголодавшиеся тяжеловозы немедленно подошли и, пофыркивая, принялись подбирать корм с вялой осенней травы. Ки уложила на место мешочек с зерном и прикрыла его соляным. Это была еще одна уступка со стороны Ризуса. Если уж нужен для отвода глаз какой-то груз, сказала она ему, так пусть это будет, по крайней мере, что-то такое, что мне пригодится в пути. Еще не хватало, чтобы коням в горах пришлось голодать!

Покончив с зерном, кони отошли прочь и стали щипать траву, редкими клочками росшую на склоне. Тем временем Ки привычно занялась делами, заполнявшими ее одинокие вечера. Затеплила костерок с подветренной стороны фургона, повесила над огнем кипятиться покрытый копотью котелок, отделила часть припасов для ужина. Заварив чай, она дала ему насто-

яться до черноты, а потом выпила, обжигаясь и чувствуя, как он льется в пустоту живота. Ей хотелось есть, и от этого голод стал только острее. Ки поставила наземь глиняную кружку и потянулась помешать суп ножом, которым резала мясо...

В это время Сигмунд ударил копытом и шарахнулся, испугавшись чего-то. Сигурд громко фыркнул и взвился на дыбы, молотя передними ногами. Ки вскочила на ноги и увидела, как ее кони убегают прочь от фургона. Она оглянулась, перевернув кружку и разлив чай, и тут черная тень бросилась на нее из темноты и опрокинула навзничь.

Ки так ударилась затылком о твердую землю, что искры полетели из глаз. Она отчаянно отбивалась, наугад колошматя мужчину, которого едва могла разглядеть. Ей удалось как следует лягнуть его и не дать прижать себя к земле. Перевернувшись, она привстала на колени и попыталась подняться, но сильный толчок в плечо снова опрокинул ее наземь. Ки все-таки откатилась, едва не угодив в огонь, и, пошатываясь, встала. Мужчина снова ринулся на нее. В последний момент Ки отступила в сторону и крепко сжатым кулаком ударила его в горло. Он издал каркающий звук, в котором изумление мешалось с болью. Мужчина потерял равновесие, и Ки набросилась на него сзади. Вместе они ударились о корму фургона и рухнули наземь. Он попытался поймать Ки, но она увернулась. Обжигаясь, она схватила с огня котелок и замахнулась им, расплескивая брызги. Кипящая жидкость обрушилась мужчине на грудь, а сам котелок с треском впечатался ему в челюсть. Зашипев от боли, он свалился. Ки бросила котелок и подхватила нож. Потом ударила коленом в грудь пытавшегося подняться мужчину и села на него верхом. Обнаженное лезвие коснулось податливой кожи на его горле. Незнакомец дернулся, но остро отточенное лезвие прорезало кожу, и он обмяк. Опустил руки наземь и раскрыл ладони – дескать, сдаюсь.

Какое-то время они не двигались, только тяжело дышали, глотая холодный, сырой воздух. Лошади, ринувшиеся прочь от фургона, остановились. Пламя костра бросало тени на лицо мужчины. Ростом он, пожалуй, был с саму Ки, если считать вместе с сапогами, но сложен покрепче: он весил бы на добрых полтора десятка фунтов больше нее... если бы не был до такой степени истощен. Он напомнил ей осиротевшего теленка. У него были темные глаза и темные вьющиеся волосы, в которых застряли палые листья и клочки мха. Это придавало парню вид дикого хищного зверя. Он тяжело ловил ртом воздух; видны были ровные белые зубы. Он смотрел на Ки снизу вверх, и глаза у него были, как у затравленного животного, полны страха и ярости. И Ки, сидя на нем верхом, на какой-то миг пожалела, что ему не удалось прикончить ее. Насколько все было бы проще... Незванная мысль неприятно поразила ее. Ки передвинулась, плотнее усаживаясь у него на груди, и свободной рукой обшарила его пояс. Он вздрогнул от прикосновения, потом снова обмяк. Если он и носил нож, то не на поясе. Он лежал очень тихо, держа раскинутые руки ладонями вверх. Двигались только настороженные глаза. Ки смотрела на него, свирепо сузив зеленые глаза. Неожиданно его обросшие бородой губы скривились в ухмылке. Еще миг, и он... засмеялся.

– Это еще что? – сердито спросила она.

– Да ничего. – Он слабо улыбнулся, явно успокоившись за свою жизнь. – Я просто смотрю, в хорошенькое положение ты попала. Если бы ты собиралась меня убить, ты бы это уже сделала. А если ты не собираешься меня убивать, то что тебе со мной делать?..

Он снова хмыкнул, но смех тут же сменился раздражающим кашлем. Ки немедленно ощутила укол жалости, но не дала ему воли. Еще не хватало. Она наклонилась пониже:

– На твоём месте я бы не была так уверена, что убивать тебя уже поздно. Мой ножик и твое горло – они, знаешь ли, по-прежнему очень близко друг от друга...

Он помолчал, силясь отдышаться. Наконец его ребра перестали ходить ходуном, и он спокойно проговорил:

– Я хотел только увести одного из твоих коней, а тебя трогать вовсе не собирался. Когда ты поставила чашку, я понял, что ты меня засекала, а значит, без драки дело не обойдется. Тогда-то я и напал, рассчитывая быстренько скрутить тебя. Только вот не получилось.

Он снова закашлялся. Его худоба была явно болезненной, а в темных глазах горели лихорадочные огоньки. И снова Ки погнала ненужную жалость прочь, сказав:

– Украсть у меня в подобном месте коня – это и есть убийство. Самое настоящее. Ты еще скажи, что собирался всего-то мне ногу отрезать и больше ни-ни. Ответь-ка лучше, что за нужда заставила тебя сделаться воришкой?

Он подумал, прежде чем ответить:

– Мне нужно за перевал, а пешком туда не пробиться. Слишком далеко... снег, ветер... да и одет я... Я три раза пробовал, и все без толку. Но на коне я бы...

– И первое, что пришло тебе на ум, – это украсть, – холодно подытожила Ки. – Мне почему-то казалось, что люди, попавшие в беду, сперва обычно просят о помощи, а потом уже пускают в ход силу. Если бы ты просто подошел к моему костру и честь по чести попросил подвезти тебя за перевал – неужели ты думаешь, я бы тебя прогнала?

– А ты думаешь, я не пробовал? Дважды! И оба раза мне помогли добраться до границы снегов... а потом они разворачивали фургоны и возвращались в гостиницу «У Сестер»! Потому что на фургоне там не проехать. Оба раза я умолял дать мне коня, но мне отказывали. Так что, по-твоему, мне оставалось?

– Мог бы вернуться в гостиницу и переждать зиму. Или спуститься южнее и воспользоваться перевалом Носильщика...

Ки вовсе не нравилось, какой оборот принимал их разговор. Довольно глупо себя чувствуешь, разговаривая с человеком, у которого сидишь на груди, угрожая ножом. К тому же объяснения странного парня казались ей все более убедительными. С ума сойти. Его нападение уже начинало казаться ей чем-то таким, что можно было понять и простить. Вроде того, как если бы ее случайно толкнул в толпе незнакомец.

– Дины на меня тоже косятся, – продолжал между тем пленник. – Говорят, я им фальшивыми монетами заплатил. Откуда ж мне-то было знать?.. И вообще, будь у меня хоть грош, стал бы я ловить кроликов и грызть траву?.. Ну да ты этих динов не хуже меня знаешь. Уж до того любят всякую бессловесную тварь, зато разумное существо, которое чуть-чуть не укладывается в их представления, выгонят за порог и не почешутся, хоть ты околей... Я не могу туда возвратиться!

– Ты еще не сказал, почему ты так рвешься на ту сторону? – требовательно спросила Ки.

По его лицу прошла тень, и глаза снова сделались как у затравленного зверя. Он уставился на нее так, словно ее вопрос коснулся чего-то потаенного. Ки не отвела взгляда. В конце концов, это она держала нож у его горла, а не наоборот. Она еще решит, как с ним поступить, но прежде выяснит все, что только возможно. Он угрюмо нахмурился, но потом на лице проступило безразличие. Он шевельнулся, словно пытаясь пожать плечами.

– Какая тебе разница, – сказал он. – Ну хорошо, мне понадобились деньги. Там, за горами, живет моя семья. У меня есть родственники, которые и раньше помогали мне по мелочам. Вот я и надумал снова к ним обратиться.

Теперь уже Ки сдвинула брови. Эти рассказы показались ей мало похожими на правду. Так рисковать – и только ради того, чтобы... Но тут мужчина снова закашлялся, и Ки поймала себя на том, что отводит нож в сторону, – не порезался бы. Она сжала губы. Она была сама себе противна. Ки медленно поднялась и еще медленнее убрала нож в ножны. Парень пристально наблюдал за ней. Он не пытался вскочить и лежал неподвижно, как если бы она все еще сидела у него на груди.

Ки демонстративно повернулась к нему спиной, держа, тем не менее, ухо востро. Подобрав полупустой котелок, она снова устроила его над огнем и долила уцелевшую гущу водой из

бочонка. Мужчина не двигался. Ки с раздражением покосилась на него. Он все так же лежал на спине, раскинув руки, и это обезоруживало. Нет, сказала себе Ки, никакого дела мне до него нет. Сейчас же прогоню его прочь – и от костра, и из своих мыслей. Она проследила взглядом за тем, как приподнималась и опадала его костлявая грудь под изорванной грязной рубашкой.

– Поедешь со мной, – тоном приказа произнесла она наконец. – Мне, как и тебе, непременно надо на ту сторону. И коли уж нам обоим приспичило, почему бы не отправиться вместе? А теперь давай-ка вставай, есть будем. Тоже мне, из трех щепочек сложенный...

– Поломанных притом, – охотно согласился он. Кряхтя и непритворно постанывая, он перевернулся и встал, ощупывая ребра. – Или, по крайней мере, надтреснутых. Я столько постился, что даже ты меня едва не прихлопнула...

Он усмехнулся и поскреб кудлатую голову. Тряхнул головой и принялся расчесывать кудри пятерней, выгаскивая листья и траву, набившиеся в волосы во время схватки.

Ки мрачно смотрела на него, не понимая и не принимая его шутиwego тона. Уже давным-давно никто не отваживался шутить с ней. Тоже еще весельчак. Можно подумать, не она только что пресекла его попытку воровства, скрутила его и приставила нож к горлу. И, пожалуйста, он стоял перед ней и криво улыбался. Она ждала от него чего угодно, но только не этого.

Ки наведальась в кабинку и вытащила дополнительную порцию еды, продолжая, впрочем, краем глаза следить за незнакомцем. Покрошила в воду коренья и мясо и стала помешивать. Он молча следил за ней. Она подняла, наконец, глаза, и его улыбка тотчас сделалась шире:

– Неужели ты меня даже не свяжешь? А вдруг я тебя все-таки как-нибудь одолею и удеру на одном из твоих коней?

Передернув плечами, Ки натрясла немного чаю в горшочек и устроила его в горячих камнях возле огня.

– Кони уже достаточно напуганы, – сказала она. – Ты сам видел, я их не привязываю. Если захочешь увести одного из них, сумей сначала поймать. Положим даже, ты меня одолеешь... хотя это и сомнительно. Ну, допустим, убьешь. Интересно, как ты их поймаешь, если от тебя будет разить моей кровью. Нет, если ты действительно хочешь за перевал, ты ничего подобного не предпримешь. У тебя одна надежда: делать то, что я скажу.

Ки с сожалением посмотрела на кружку горячего, только что налитого чая, которую держала в руках. Весьма неохотно она протянула ее парню поверх костра и полезла в посудный ящик за второй. Он молча следил за тем, как она наливает себе, как прихлебывает. Он держал кружку в ладонях, отогревая тощие руки. Ки смотрела на него поверх своей кружки, потягивая чай и улыбаясь про себя. Вот и она поставила его в тупик: теперь уже он явно не знал, как себя вести. Какие глупости. Ребячество. Ки презрительно хмыкнула, но дурацкое ощущение торжества так и не прошло.

Сварившийся суп начал пузыриться, и Ки разлила его в две миски. Одну из них она сунула парню в руки и не без удовольствия проследила за тем, как он натягивал на руки дражные рукава, пытаясь не обжечься ни супом, ни чаем. Ки привалилась спиной к колесу и принялась есть. Мужчина все еще стоял, держа в руках кружку и миску, словно это были какие-то предметы непонятного ему назначения. Потом опустился наземь, по-прежнему глядя на Ки. Она подняла глаза и увидела, что он поставил кружку и взялся за ложку. Он смаковал каждый кусочек и явно был не до конца уверен в том, что ему все это не приснилось. Очистив миску, он нерешительно потянулся к котелку с чаем и вопросительно посмотрел на Ки. Она притворилась, будто не заметила его взгляда. В конце концов, он решил и налил себе еще.

Она пила чай, молча поглядывая друг на друга. Говорить было не о чем, и, тем не менее, Ки почувствовала нарастающее раздражение. Прах тебя побери, подумала она с досадой. Это мой фургон! И мой костер! Почему я никак не могу собраться с духом и как следует тебя порасспросить? Приперся незваным, натворил всякого безобразия – и молчишь себе, словно так тому и положено быть?.. Почему мне же еще должно быть неловко?..

– Меня зовут Ки!

Это прозвучало почти как обвинение.

– А меня – Вандиен, – отозвался он с готовностью. Улыбнулся и отпил из кружки.

Отблески огня играли на его лице, и Ки попробовала представить, как бы он выглядел, если его как следует вымыть, подкормить и приодеть по-человечески. Поразмыслив, Ки пришла к выводу, что из него получился бы довольно симпатичный мужчина. Он в самом деле был чуть выше Ки и ненамного шире в плечах, но тело казалось мускулистым и ладным: выдавшая виды кожаная рубашка облегла крепкий торс и узкие бедра. Штаны у парня тоже были кожаные, кое-где протертые и залатанные.

Ки присмотрелась к лицу. У Вандиена был прямой нос с высокой переносицей и красивые темные брови. Небольшой рот прятался в запущенных усах и бороде: без сомнения, Вандиен привык начисто бриться. А руки, державшие кружку, несмотря на мозоли, ясно говорили о том, что к тяжелому труду ему пришлось привыкать уже взрослым. Когда Ки снова посмотрела ему в глаза, Вандиен улыбнулся с таким видом, словно прочитал ее мысли, и спросил:

– А тебя-то что гонит за перевал, Ки? Сделай милость, расскажи про себя немножко. Я ведь, побуждаемый твоим ножичком, вон сколько тебе всего рассказал – причем такого, что редко выбалтывают незнакомцам...

Он потягивал чай, преспокойно глядя на нее поверх чашки. Ки небрежно пожала плечами:

– У меня там дело. Нужно перевезти груз соли: срок вот-вот выйдет, а опаздывать я не люблю. К тому же я давно собиралась посмотреть новые места. По эту сторону хребта я каждую тропку наизусть знаю, надоело. А за горами, я слышала, и платят получше...

– Если и лучше, то совсем ненамного, – сказал Вандиен. – И надо быть просто помешанным на торговле солью, чтобы в такое время года тащить ее через перевал Сестер!

Ну только что прямо не назвал меня лгуньей, подумала Ки.

– Стало быть, я и есть помешанная, – ответила она сухо. – По крайней мере, это помогает мне не опуститься до воровства.

– Ах! Как мучит меня совесть!.. – воскликнул он и шутовским движением схватился за сердце, ни дать ни взять пронзенное ударом рапиры. Потом отнял руку и расхохотался. Ки не выдержала и улыбнулась в ответ. Ну и мужик.

– Завтра начнутся снега, – сказала она, допивая чай. – Надо будет выехать пораньше.

Вандиен поднял кружку таким жестом, словно это был бокал вина на званом обеде.

– За ранний выезд, – провозгласил он таинственным голосом и опрокинул в рот остатки остывшего чая.

Ки не ответила на его тост. Застыв с кружкой в руке, она смотрела на Вандиена. Ей казалось, он словно перевернул в ее сознании некий камень, и жаба, сидящая неподалеку, подмигнула ей желтым глазом. Тепло, растекшееся было по телу, куда-то улетучилось. Взгляд Ки сделался пристальным. Что у него на уме?.. А что может быть на уме у мужчины, кроме как...

Но Вандиен, поставив кружку, сорвал пучок сухой травы и начисто вытер миску, а кружку вытряс над огнем. Он повертел посуду в руках, чтобы Ки видела, как он аккуратен, и снова поставил ее у огня. Потом потянулся, встал на четвереньки и уполз под фургон.

Недоумевая, Ки проследила за ним взглядом. Он по-собачьи свернулся клубком – и закрыл глаза...

Ки вычистила свои миску и кружку и поднялась на затекшие ноги, чтобы убрать посуду в ящик. Потом пригасила костер и обошла фургон, готовя его к ночлегу. Вернувшиеся кони стояли неподалеку. Ки подошла к ним и ласково почесала могучие серые шеи. И забралась в кабинку.

В этот раз она не стала зажигать свечу. Сквозь маленькое окошко проникало вполне достаточно звездного света и отблесков еще теплившихся углей костра. Ки посмотрела на свою

постель. Простое дощатое возвышение было приподнято над полом, а внизу устроен вместительный ящик. Постель была достаточной ширины, чтобы два человека могли лечь, уютно прижавшись друг к другу. Не особенно роскошное ложе. Всего лишь мешок с чистой соломой, уложенный поверх досок. Еще у Ки было два тканых одеяла: одно приглушенного синего цвета, другое – золотисто-коричневое, и оба довольно потертые. А кроме того...

Перед отъездом из Сброда Ки поддалась минутному влечению и потратила часть Ризуова аванса на неоправданно роскошную покупку: меховое покрывало из пушистых шкур зимнего оленя. Ки знала – завернувшись в этот роскошный мех, можно было нагишом спать на снегу и чувствовать себя как в летнюю ночь у костра. То есть именно то, что требуется после зябкого дня.

Тут Ки подумала о мужчине в протертой до дыр рубахе, который, как бездомный зверь, дрожал и кашлял от холода внизу под фургоном. Ки медленно приподнялась на постели. Старые одеяла давно полиняли, пушистый ворс вытерся. Много воды утекло с того дня, когда их впервые расстелили на тюфяке из душистого сена в новеньком фургоне, еще пахнувшем свежим деревом и смолой. Когда они со Свеном вдвоем укрывались этими одеялами, что за нужда была им еще в каких-то мехах?.. Ки прижалась лицом к одеялам, и ей показалась, будто знакомая, широкая ладонь коснулась щеки...

Порывисто, почти зло Ки свернула теплые олени шкуры. Потом вылезла из кабинки обратно на сиденье. Перегнулась вниз и запустила одеялом в зябко дрожавшего Вандиена. Он изумленно оглянулся, но Ки не стала ждать, пока он сообразит ее поблагодарить. Она вернулась в кабинку, захлопнула узкую дверь и накинула крючок, которым вообще-то редко пользовалась.

Она не стала раздеваться. Сев на постель, она натянула на колени старые одеяла и принялась впотьмах распускать на ночь свои причесанные по-вдовьи волосы. Странные слова Вандиена снова явились ей на ум. Ки долго сидела в темноте и вспоминала, вспоминала...

...Путешествие в родные места Свена – местечко, называвшееся Брод Арфиста, – было долгим. Ки загодя известила родню мужа о своем прибытии и о том, что за новости она им везет. Она знала, что ее будут встречать. И все-таки, когда впереди показались обширные луга и яблоневые сады по сторонам знакомой дороги, мужество едва ей не изменило. Она ведь уже сообщила им о потере. Так почему бы ей тихонько не проехать мимо в ночи, никого не потревожив глухим топотом упряжки, взбивающей мохнатыми ногами коней маленькие фонтанчики пыли?.. Что вообще она может предложить этим людям? Как она станет их утешать? Или принимать их утешения?.. Ки устала, бесконечно устала. После гибели Свена все в ней было натянуто, словно побеги дерева-арфы, звенящие от малейшего ветерка. Все в душе отгорело: и горе, и гордость, и способность радоваться. Раньше она любила посмеяться и была куда как остра на язык. Куда все подевалось? И зачем, собственно, это нужно, если некого поддеть, некого рассмешить? Позабытые чувства отодвинулись в темноту, словно шумный некогда город, поглощенный морскими волнами...

Во всяком случае, так казалось самой Ки. Казалось до тех пор, пока она не нашла взглядом кривую старую яблоню – ту, у которой они когда-то встречались. Ки застыла на месте. Под яблоней стоял юноша, и волосы его казались бесцветными в свете вечернего солнца. Он был в крестьянской рубахе, почти достигавшей колен. Длинные волосы свободно лежали на плечах, как и подобает еще не просватанному парню. Вот он приветственно поднял руку, и у Ки разом пересохло во рту. Словно во сне, она остановила коней. Раздвигая высокие травы, Свен молча шел к ней через луг, шел той самой широкой, упругой походкой, которую она так хорошо знала. Ки не смела подать голос и тем самым разрушить волшебные чары. Какая разница, кто это, – пусть идет... идет к ней...

Он подходил все ближе, но сходство не исчезало. И он не таял в воздухе, как полагалось бы призраку. Ки даже слышала, как шуршала трава у него под ногами...

– Ки!

Ее сердце все-таки ухнуло в бездну. Юношеский тенор принадлежал Ларсу. Его младшему брату. Брату, так похожему на него...

Ки обессиленно привалилась к дверце кабинки. Ее сотрясала мучительная дрожь. Оба молчали, пока Ларс взбирался по колесу и устраивался рядом с ней на сиденье.

– Может, мне вожжи взять?.. – предложил он тихо.

Покачав головой, Ки шевельнула вожжами, и кони снова зашагали вперед. Ки никак не могла найти слова, которые следовало бы произнести, а в сердце снова расстилалась пустыня. Придется Ларсу познать боль, и ничего тут не поделаешь. Сама Ки жила с этой болью уже несколько месяцев, но так и не выучилась ее унимать.

– Ки, бедная сестренка, – тихо говорил между тем Ларс. – Я-то собирался тебя упрекнуть, что не сразу нам сообщила. Но вот посмотрел на тебя и сразу все позабыл. Видела бы, как ты выглядишь. А еще говорят, время все исцеляет...

Он замолчал. Фургон под ними покачивался и скрипел. Тяжеловозы размеренно топали по пыльной дороге. Ларс тоже прислонился спиной к двери кабинки, но длинные волосы сразу прилипли к шее, и юноша выпрямился, вытирая пот рукавом. Его жест заставил Ки невесело улыбнуться. Ну точь-в-точь Свен до женитьбы.

– Он тоже терпеть не мог, когда волосы липнут к шее, – сказала Ки. – Знаешь, он все поддразнивал меня и говорил, что и женился-то на мне больше затем, чтобы я ему волосы в хвостик заплела, как женатые носят...

Ларс хмуро кивнул:

– Глупый обычай, но мама нипочем не желает с ним расстаться. Тут пожалеешь, что уже не мальчишка, которому волосы стригут накоротко. Кому нужны эти патлы? Уже до плеч – и знай растут себе дальше!

– Ничего, скоро сами останутся, – утешила его Ки. – Но, коли они уж так тебе надоели, не проще ли найти женщину, которая возьмет тебя в мужья и будет заботиться о твоих волосах?

Ларс возмущенно откинулся назад, снова стукнувшись в дверцу лопатками.

– И ты тоже?.. Я и так себя чувствую точно годовалый бычок на торгу! Руфус мне только и твердит о моем «долге». А мама без конца приглашает в дом Кэти: то шерсть проветривать, то сарай крыть, то роды у коров принимать! К чему бы это, а, как ты думаешь? В прошлом году, помнится, ей и моей помощи со всем этим как-то хватало, а нынче подавай, чтобы мы оба! Причем, заметь, только мы – и никого кроме!

Ки хмыкнула, хорошо понимая, что болтовня эта призвана была отвлечь их с Ларсом от куда более мрачных предметов. Она решила подыграть ему:

– Стало быть, твоя мама расставила для тебя капкан? А братец твой и рад ей помогать? Слушай, а что это за Кэти? Уж прямо такое чудовище, от которого только бегством спастись?

– Кэти... – Ларс закатил глаза. – Да нет, она прехорошенькая. Пухленькая, точно сдобная булочка. И притом настоящая крестьянка. Бедрa – во! Целый народ может родить. Плечи – хоть бычье ярмо надевай, а руки – только за плугом ходить. Про грудь я уж и вовсе молчу. Какой угодно выводок вскормит...

– Жуть! – сказала Ки.

– Вот именно, жуть. Ну, да ты же помнишь – мы с ней с детства вместе играли. Дружили даже, между прочим. А теперь она выросла в такую женщину, с которой хоть рыбу ловить, хоть в поле с мотыгами. Но любить ее? Жить с ней всю жизнь? Слуга покорный...

– Тогда не сетуй, Ларс, на длинные волосы. Если хочешь знать, они тебе даже идут. Ничего: еще придет женщина, которая их тебе свяжет. И гораздо скорее, чем тебе кажется...

– Будем надеяться, – негромко пробурчал Ларс.

Жаркий день понемногу сменялся вечерней прохладой. Земля дышала ночными ароматами. За деревьями, росшими у дороги, светились вдали окна домов. Дома эти принадле-

жали родне Свена: людям, связанным кровными узами либо клятвой, произнесенной когда-то. Людям, которым Ки необходима была теперь для какого-то неведомого ей Обряда Отпущения. Она живо представила себе, как эти земледельцы с натруженными руками, мало привыкшие отрывать взгляд от борозды, соберутся все вместе и спросят ее, что же все-таки случилось с их Свеном, и глубоко внутри заворочалось что-то холодное. Она не хотела им лгать...

Ки устало подняла глаза к звездному небу. Боковым зрением она по-прежнему видела Ларса, и это было мучением. Если прищуриться и не вглядываться особенно пристально, вполне можно было представить, что... Как часто по вечерам Свен привязывал своего коня к корме фургона и оставлял там, а сам подсаживался к ней на сиденье. Их дети обыкновенно уже дремали в кабине, а они со Свеном, негромко переговариваясь, присматривали местечко для стоянки. Иногда же они просто сидели молча и слушали неумолимое шлепанье тяжелых копыт да поскрипывание фургона. Какие это были вечера! Плечо Свена, касавшееся ее плеча...

– Как все же это случилось? – Голос Ларса опять спугнул волшебные чары.

Ки ответила не сразу. Она в тысячу первый раз пыталась найти слова. Ее рассказ должен прозвучать достаточно убедительно. Рассказ, которому они поверят, который они смогут принять. Как часто Ки пыталась вообразить себе этот миг, миг, когда кто-нибудь из его родственников задаст неотвратимый вопрос. Как же ей не хотелось лгать. Она была уверена, что и не сможет.

Наконец она заговорила, с удивительно отстраненным чувством слушая собственный голос. Так рассказывают о голоде, случившемся за тридцать земель. О выжженных полях в чужой и незнакомой стране.

– Они... Понимаешь, Свен вздумал покатаить детей на коне. Малыш Ларс уже достаточно попрос и сидел сам, держась за его рубаху. Ножки в разные стороны торчали... Куда ему такого коня обхватить... Риссу Свен посадил перед собой, и как же она смеялась... Еще бы, так высоко, на большущем папином вороном... Видел бы ты, Ларс, этого зверя, которого завел себе Свен! Жеребец, и притом до того свирепый... норовистый... никогда не угадаешь, что выкинет в следующий момент... Я и то пробовала Свену отсоветовать, но ты же знаешь, какой он был упрямый. Любил силой померяться... а тут такое соперничество... Обычно-то все кончалось хорошо... понимаешь, добродушная возня... двух норовистых самцов... а в тот раз... упрямый, упрямый мужик...

И это была правда. Чистая правда. Но далеко не полная. Ки замолчала. Она не солгала. Просто подсунула Ларсу ложный след, а уж куда заведет его по этому следу собственное воображение – не ее дело. «Прости меня, Свен, – подумалось ей. – Получается, ты как будто сам во всем виноват: недооценил норовистого коня...»

Ларс тоже молчал, и она знала почему. Он хотел пощадить ее чувства и воображал, будто знает, как это делается. Что ж, оно и к лучшему.

Ки первой нарушила молчание:

– Хочу предупредить тебя, Ларс, – я ведь понятия не имею об этом вашем Обряде. Так что как бы мне перед всем вашим семейством не опозориться!

Ларс фыркнул. Если бы над ними не висело горе, он бы, пожалуй, расхохотался.

– Вечно ты боишься чем-нибудь обидеть нас, Ки! Мы же знаем, что ты не нашего племени. Кора, моя мама, тебе все объяснит, что к чему. Да и Руфус все время будет рядом, поможет, если вдруг что. И ничего постыдного в этом нет. Так делают нечасто, но все-таки делают. Особенно если в семье один уцелевший, и тот – маленький ребенок. Сам Хранитель Обрядов это одобрил!

– По части ваших Обрядов, – ответила Ки, – я и есть маленький ребенок.

– Неужели Свен тебе ничего не рассказывал о наших обычаях? – осторожно спросил Ларс.

– Рассказывал... как же иначе. Но только не о том, как у вас поступают с умершими. Он... понимаешь, он так прочно принадлежал к миру живых. Он говорил... Слушай, Ларс, я понимаю, что спрашиваю не вовремя и не к месту... Твоя мать в самом деле поклоняется гарпиям?

Ки сумела выговорить это совершенно спокойно, но сердце бешено колотилось о ребра. Как же ей хотелось, чтобы Ларс сказал: «Конечно нет!», а то и посмеялся над глупыми рассказными Свена. Как же она рада была бы отбросить ненужную осторожность и поделиться с ним всей правдой о гибели Свена...

Ларс потер широкими ладонями колени:

– Тебе это, наверное, кажется странным. И потом, Свен с его шуточками и насмешками... Мы, в общем, не то чтобы обожаем их, Ки. Мы знаем, что они не Боги. Они такие же смертные существа, как и все мы. Только, в отличие от нас, они теснее связаны с... как бы это выразиться... с Высшим. С Судьбой, если хочешь. Им ведомы иные миры. Они обладают знанием, в котором отказано людям, и способностями...

– ...восходящими к этим самым иным мирам, – перебила Ки. – Я знаю, Ларс, как вы это все объясняете. Свен мне рассказывал, что перед нашей с ним свадьбой ваша мать принесла им в жертву вола. И потом – по теленку всякий раз, когда я рожала. И ты прав, мне это кажется странным. По мне они – пожиратели падали, разорители стад, бессовестные, глумливые, жестокие...

Ки замолчала, не находя больше слов. Ларс терпеливо покачал головой:

– Все это домыслы, Ки. Досужие выдумки, которым, к сожалению, многие действительно верят. Это клевета на гарпий, но я на тебя не сержусь. Если бы я видел только, что они творят, но не знал их обычаев, я бы, как ты, тоже всему этому верил. Гарпии убивают лишь по необходимости. Только для утоления голода! Не как люди, которые отнимают жизнь ради забавы, а то и просто со скуки! Гарпии... Они познали равновесие между мирами, между жизнью и смертью. Они могли бы поучить нас, людей, науке сосуществования, потому что наша раса ее основательно подзабыла...

– Чушь! – Ки догадалась, что произнесла это вслух, только когда разглядела в глазах Ларса кроткий упрек. – Ладно, не сердись, – искренне извинилась она. В конце концов. Ларс потерял брата. Незачем еще и издеваться над его верой. – Что ж, я их Действительно сужу по делам их... по делам, которые вижу. И потом, я выросла на сказках, что рассказывают у походного костра ромни. Маленькой девочкой я верила, что все мы – дети луны. Она-де породила все расы: людей, гарпий, динов, т'черья, алуя, заклинательниц ветров, калуинов... и всех прочих. Она-де вручила каждому народу какой-нибудь особенный дар и велела всем вместе жить в этом мире, заповедав не враждовать между собой. А сама стала наблюдать за нами с небес, присматривая, хорошо ли мы чтим этот завет. Думаешь, детские сказки?.. Может, я и сама в них не так свято верю, как когда-то. Но вот с чем я никогда не соглашусь, так это с тем, будто среди разумных рас есть высшие и низшие. И еще, что люди якобы по гроб жизни обязаны другим народам... а уж гарпиям и подавно!

Ки сердито шлепнула вожжами по широким, серым в яблоках спинам, понимая, что несколько заговорила. Кони, впрочем, охотно прибавили шагу. Они отлично знали, что вон за тем поворотом их ждет чистая конюшня, вдоволь вкусного зерна и заботливые руки, которые вычистят их от макушки до копыт. А еще там были раздольные луга, на которых они выросли и беззаботно играли до того самого дня, когда Свен вложил их поводья в руки совсем молодой Ки, не верившей своим глазам...

Кони вновь прибавили шагу, на сей раз по собственной воле. Сигурд вскинул громоздкую голову и громко, приветственно заржал. Откуда-то со стороны конюшен ему сейчас же ответила другая лошадь.

Из длинного низкого каменного дома вышел человек с фонарем. Ки услышала гул голов и увидела Руфуса, посылавшего ей навстречу своих сыновей – открывать ворота, заводите серых во двор.

Ларс вздохнул.

– Знаешь, они нарочно послали меня тебе навстречу, – сказал он. – Они хотели, чтобы я сразу начал готовить тебя к Обряду, а я... Другое дело, даже не знаю, у кого это вышло бы. Ты пойми только, что Обряд должен тебя исцелить... облегчить твою ношу... Мы верим, что любая боль отступает, когда ее терпят все сообща. В этом и состоит цель Обряда. Ты говорила, Свен тебе рассказывал кое-что о наших обычаях. Так вот, этот Обряд – один из самых могущественных. Он теснее связывает семью, ибо помогает разделить скорбь...

Ки угрюмо кивнула. Так или иначе, грядущее испытание по-прежнему внушало ей один только ужас. Обряд Отпущения! Знать бы хоть, в чем он заключается!.. Что ж, она в любом случае сделает все, что от нее будет зависеть. Отдаст ради них последний долг памяти Свена. Принесет последнюю жертву. И поедет дальше своей дорогой. Она будет думать о Свене и честно делать все, что ей повелят...

Руфус уже шел навстречу фургону, светя фонарем. Ки проворно соскочила наземь, не дожидаясь, пока он предложит ей помощь. Ларс спрыгнул с другой стороны. Подростки распрягали коней, чтобы отвести их туда, где была уже приготовлена прохладная вода и чистая солома. Сигурд и Сигмунд только устало пофыркивали.

– Долго же ты добиралась к нам, Ки, – приветствовал ее Руфус. Холодные глаза, поджатые губы... К немалому раздражению Ки, он еще и взял ее под локоть. Она что, слепая, которая без подмоги и двери не найдет? Или хромая, чтобы ее под ручку поддерживали?..

«Свен, – сурово одернула она себя самое. – Не забывай!»

Она опустила голову:

– Мне нужно было побыть одной, Руфус. Тебе это, наверное, непонятно, но я никоим образом не хотела вас обидеть или проявить невнимание. Для меня это был такой удар... такая ломка всей жизни...

– А ну, отстань от девочки! – прозвучал с порога повелительный голос Кору. – Если она захочет что-нибудь объяснить, она сама это сделает и при всех, когда народ соберется. Еще не хватало, чтобы все по очереди к ней подходили и каждый пилил! Уж наверное, были у нее какие-то причины. Захочет – расскажет, но всему свое время, и нечего лезть к ней, слышишь, Руфус? А ты, Ки, выглядишь как побитый щенок, честное слово, только не обижайся, пожалуйста. Одного-то терять – и то с ума сойдешь, а тут сразу троих!.. Помнится, когда проклятый кашель свел отца Свена в могилу... нет, не стоит об этом, просто я знаю, отчего бывает такой вид, как у тебя сейчас... Ну, иди сюда, девочка. Небось не забыла дорожку? У тебя будет та же комнатка, что и всегда. Ларс! Посвети ей. О конях, я надеюсь, уже позаботились? Ну, конечно, им нужно зерна, балбес!.. Нет, если в этом доме сама за всем не присмотришь...

Ки показалось, что ее подхватила река. Многословие Кору спасло ее от Руфуса и буквально внесло в ярко освещенную общую комнату дома, а Ларс проводил ее в спальню. Она не успела даже поздороваться ни с кем из людей, собравшихся ради нее в просторной гостиной. Кора все себе трещала сорокой; Ки знала, что за ее неумолчной болтовней прячется потрясение и жестокое горе. «Подстегивает клячу жизни, чтобы скорее проехать скверное место», – говаривал об этом Свен. И правда. Кора умудрялась разговаривать сразу со всеми и одновременно вникать в каждую хозяйственную мелочь, словно домочадцы в самом деле были беспомощными малышами. Мне бы так, подумала Ки.

– Я тебе свечку оставляю, Ки, – сказал Ларс. – Освежись и отдохни немножко. Вечер будет долгий, а ты и без того устала, так что не спеши. Если уж они тебя дождались, ничего, потерпят еще чуть-чуть...

И Ларс вышел из комнаты, решительной рукою прихлопнув за собой тяжелую деревянную дверь.

Ки опустилась на кровать... Кровать была мягко застелена лучшими покрывалами, вытканными Корой, и новенькими меховыми одеялами. Возле занавешенного окна на тумбочке стояла белая чаша, а подле чаши – изящный кувшин. Ки по опыту знала, что прохладная вода в кувшине была сдобрена душистыми травами. Эта комната была предназначена для торжественных случаев. Так, Кора в свое время настояла, чтобы Ки и Свен провели свою первую ночь именно здесь. Здесь же они останавливались и впоследствии, приезжая показывать родне двоих своих малышей. Как-то Свен рассказал Ки, что здесь готовили к погребению и тело его отца. После этого комната стала казаться Ки стылой. Ничто не помогало ей согреться: ни пухлая постель, ни ковер из оленьих шкур на полу...

Возьмем пример с Кору, сказала себе Ки. Если уж некуда деваться – попробуем подстегнуть лошадей и поскорее миновать скверное место...

Она ополоснула лицо и руки свежей, душистой водой. Потом расчесала волосы и со всем тщанием заново соорудила вдовью прическу. И, наконец, спохватилась: ей не во что было переодеться. Она оставила все свои пожитки в фургоне, а идти за ними и обратно мимо всех казалось Ки неудобным. Ки призадумалась, не зная, как поступить. При других обстоятельствах она только плечами бы пожала – какие, мол, пустяки! Но теперь и мелочи оказалось достаточно для того, чтобы беспросветное отчаяние затопило ее душу. Она и сама не взялась бы его объяснить. Но, как бы то ни было, выйти к ним в пыльной юбке и мятой рубаше значило нанести оскорбление их обряду, а поднять суету из-за такой ерунды, как чистое белье, – значило оскорбить память Свена. Ки села обратно на кровать и опустила голову на руки. Не могу больше, подумала она. Слишком много они от меня хотят. Я пуста. У меня нет сил, в том числе и для этого их обряда. Зачем я здесь, что с меня толку? Что мне делать?.. Как же я устала... устала...

Ки сжала руками виски. Гнев, ненависть и опустошение. Неужели ей так и не суждено до конца дней своих испытать другие чувства?..

Кора вошла в комнату, едва предупредив о себе стуком в дверь. Ки головы не успела поднять, не то что ответить.

– Ну вот, милочка, ты уже выглядишь чуть-чуть получше. Я, знаешь ли, тут на свой страх и риск кое-что приготовила: надеюсь, ты не рассердишься? Как только мы прослышали... ну да ты ведь меня знаешь. Стараюсь обо всем позаботиться... очень помогает иногда, между прочим. Вот тут, в сундуке, лежит платье. Вообще-то я его выткала в подарок Лидии, думала ее удивить... где ж было знать, что она родит здоровенного мальчишку и станет поперек себя толще! Словом, я его ей не только не подарила, но даже и не показывала. А то еще расстроится, бедняжка, станет думать, будто я не ждала, что она капельку растолстеет. Я его для тебя и отложила... несколько недель назад... то есть еще до того, как мы узнали. Так оно и лежит, чистенькое, свеженькое, тебя дожидается. Я знаю, вы, ромни, зеленое не очень-то носите, но сегодня наш вечер, не обессудь уж. Сама небось знаешь, как хорошо иногда надеть что-нибудь новенькое. Прямо сил придает. Дай-ка достану...

Кора расправила платье в изножье кровати и посмотрела на Ки. Их взгляды встретились. Ки хорошо помнила, какой глубинный блеск излучали обычно темные глаза Кору. Она еще надеялась, что ее дети унаследуют чудесные бабушкины глаза. Но теперь глаза Кору казались тусклыми и безжизненными, как будто там, внутри, угас сиявший в них дух. Ки видела в них лишь отражение своего собственного отчаяния и горя. Она страдала не одна, но это почему-то не принесло ей облегчения. Наоборот, горе лишь провело между ними черту, превратив былую сердечность в вежливое притворство чужих друг другу людей.

– Благодарю, Кора, это прекрасное платье, – сказала Ки. – И, ты знаешь, нелюбовь ромни к зеленому меня особо никогда не стесняла. Так что спасибо тебе большое. Мне как раз именно это и требовалось...

Оставалось только надеяться, что в ее голосе прозвучала надлежащая теплота. На самом деле она чувствовала только усталость. И еще стыд за свое пропыленное платье.

– Ну, тогда, милочка, я пойду, – сказала Кора. – А ты готовься себе потихоньку и не торопись. Ларс нам рассказал, что ты очень устала. Мы подождем...

И Кора торопливо вышла из комнаты, словно пытаясь убежать от себя самой.

Проводив ее взглядом, Ки плотно зажмурилась и некоторое время сидела неподвижно. Потом поднялась и решительно сбросила покрытую дорожной пылью одежду. Смочила в душистой воде тряпочку и обтерла все тело. Новенькое платье обдало прохладой чистую кожу. Ворот и рукава были расшиты крохотными желтенькими цветами. Платье было чуть длинновато, но Ки решила, что вряд ли кто обратит на это внимание, по крайней мере сегодня. Ки разгладила ладонями юбку и выпрямилась во весь рост.

Общая комната была узким и длинным помещением с низким потолком. Окошек в ней не было, зато в одном конце ярко пылал обширный очаг. Пол был каменный, а стены – из глины, замешанной с серой речной галькой. Летом в комнате было прохладно, зимой – тепло. Из конца в конец комнаты тянулся длинный стол, по обе стороны которого на скамьях теснился народ. Стол же так и ломился от снеди. Там были огромные блюда мяса, только что поджаренного над очагом, горы фруктов на подносах, дымящиеся горшки вареных овощей и сладкие ягодные пироги. Люди за столом приглушенно переговаривались; гул множества голосов напомнил Ки пчелиный улей на закате. Точно такое же семейное собрание.

Ки стояла в коридоре, равно боясь и войти туда, и промедлить. Как решиться пройти мимо всех этих людей во главу стола, туда, где ждало ее свободное кресло?.. На счастье Ки, явился сразу заметивший ее Ларс. Откуда-то возникнув подле нее, он повел Ки через всю комнату, указывая путь, но не касаясь ее рукой. Ки шла как во сне, слушая, как ее вполголоса приветствуют родственники, которых она прежде видела всего раз или два. Она даже не всех помнила по именам. Лидию она, конечно, узнала; и еще Курта с Эдвардом, сыновей Руфуса. Вон сидит Хафтор, а рядом с ним женщина, очень похожая на него, – не иначе, сестра. Ки никогда еще с ней не встречалась. Она бормотала «здравствуйте» и кивала в ответ, и лица начинали понемногу сливаться в одно. Ларс сел на свое место, взмахом руки указав ей, куда двигаться дальше. Ки проследовала мимо трех незнакомых старух; дальше сидела жена Руфуса – Холланд; потом какой-то старик и, наконец, – сам Руфус и за ним – свободное кресло. Ки села в него и огляделась. На другом конце стола, ужасающе далеко, сидела Кора. И как, интересно, она собиралась оттуда ее направлять?.. Все смотрели на Ки и чего-то ожидали. Ки замешкалась, недоумевая. Еда и напитки стояли перед ними на столе, так в чем же дело? Вероятно, она должна была подать какой-то знак, начиная пир? Был ли этот их Обряд Отпущения просто семейной трапезой, на которой помимо еды причащались общего горя? Ки поискала глазами Ларса, но Ларс сидел слишком далеко и ничем не мог ей помочь.

– Я несу вам горькую весть... – прошептал Руфус у ее правого локтя.

Ки вздрогнула от неожиданности и уставилась на него. Что еще за весть еще горше той, которую она?.. Но Руфус знай кивал головой, ободряюще похлопывая по столу ладонью, и до Ки наконец дошло: он просто подсказывал ей необходимые слова. Она кашлянула.

– Я несу вам горькую весть... – произнесла она громко. И опять замолчала, лихорадочно соображая, как произнести свою повесть перед всем этим народом – от старца, ошупывавшего тряскими пальцами край стола, до крохотной девчушки, едва достававшей до того же края. Какие найти слова, чтобы поняли все?..

Молчание, однако, не затянулось.

– Какую же весть ты принесла нам, сестра? – спросили хором сто голосов.

Ки набрала полную грудь воздуха...

– «Трое из вас никогда уже не вернутся, – прошипел рядом Руфус. – Выпьем же во имя нашей печали...»

Ки метнула на Ларса убийственный взгляд. Вне всякого сомнения, предполагалось, что он научит ее всему этому по дороге сюда. Ларс с виноватым видом покачал головой. Руфус нетерпеливо постукивал пальцами по столу.

– Трое из вас никогда уже не вернуться, – провозгласила Ки нараспев. – Выпьем же во имя нашей печали...

– Трое из нас никогда уже не вернуться, – откликнулся хор. – Мы пьем во имя нашей печали.

Ки оглянулась на Руфуса, ожидая дальнейших указаний. Но Руфус молчал, плотно сжав губы. Можешь злиться, сколько влезет, раздраженно подумала Ки. Я тут, между прочим, ради вас сижу, а не ради своего удовольствия. Так что давай помогай, если хочешь, чтобы я все правильно сделала!

Тут Ки уловила едва заметное указующее движение его пальца и впервые обратила внимание на странную деталь в сервировке стола. За ее тарелкой аккуратным рядком стояло семь крохотных чашечек. Они были блестяще-серыми и без ручек. Ки взяла первую, поднесла ее к губам и увидела, что ее движение повторили все сидевшие за столом. Люди брали чашечки и одним глотком выпивали содержимое. Выпила и Ки; против ее ожиданий, жидкость не имела ничего общего с вином. Она была теплая, тягучая и почти безвкусная, лишь чуть-чуть отдавала запахом клевера. Ки поставила опорожненную чашечку на стол.

– «Свен, Ларс и Рисса – вот те, кто ушел от нас, чтобы более не вернуться. Выпьем же во имя нашей печали...» – снова шепотом подсказал ей Руфус, смирившийся со своей ролью. Что ж, тем лучше. Быстрее все кончится.

– Свен, Ларс и Рисса – вот те, кто ушел от нас, чтобы более не вернуться. Выпьем же во имя нашей печали... – ровным голосом повторила Ки. Ей не очень-то нравился этот спектакль, призванный изображать всеобщую скорбь. Но делать нечего, надо было продолжать.

– Свен, Ларс и Рисса – вот те, кто ушел от нас, чтобы более не вернуться. Мы пьем во имя нашей печали, – отозвался хор.

Вторая чашечка отправилась следом за первой, и Ки, поглядывая на Руфуса, стала ждать дальнейших подсказок.

– Давай дальше сама, – буркнул он, глядя в стол. – Расскажи, как это случилось. Не забывай про напиток, только смотри одну чашку побереги для конца!

Ки снова испепелила Ларса взглядом, и юноша потупился. Ки между тем прикидывала, сумеет ли она убедить своей историей всех, как убедила его. Она пересчитала оставшиеся чашечки, соразмеряя рассказ.

– Все вместе они скакали на огромном вороном коне. Выпьем же во имя нашей печали...

Произнося эти слова, Ки мысленно уповала только на то, что Киива не даст ей споткнуться. А вот что Ларсу она голову оторвет, так это уж точно.

– Все вместе они скакали на огромном вороном коне. Мы пьем во имя нашей печали, – повторил хор. Казалось, собравшиеся за длинным столом были довольны таким началом рассказа. Ки взяла третью чашечку, опорожнила ее и...

Комната вдруг поплыла у нее перед глазами, делаясь нереальной. Ки снова сидела на высоком сиденье своего фургона, и легкий ветерок развеивал ее волосы. Она улыбалась, ощущая чье-то присутствие рядом. Чье-то успокаивающее тепло. Странное дело, Ки воспринимала его как нечто само собой разумеющееся и, заметив, особого внимания не обратила. Все шло так, как тому и следовало быть. Вот мимо нее галопом пронеслись на вороном жеребце Свен, Ларс и Рисса.

«Женщина-улитка, женщина-улитка!...» – задыхаясь и хохоча, весело прокричал Свен.

«Женщина-улитка, женщина-улитка!...» – подхватил тоненький, звонкий голосок Риссы. Малыш Ларс ничего не кричал только потому, что совсем обессилел от смеха и слишком старательно держался ручонками за отцовскую рубаху. Черная шерсть жеребца – звали его Рам

– отливала на солнце синевой. Под атласной шкурой так и играли, перекатывались могучие мышцы. Маленькому Ларсу великовата была голубая рубашка; конь мчался вперед, и рубашонка пузырилась и хлопала...

Вот Свен придержал Рама и спросил:

«Покажем ей, как надо ездить на лошади?»

Дети завизжали от восторга, и Рам вихрем сорвался с места под возмущенное фыркание серых...

– Светлые волосы развевались у них за плечами, – выговорила Ки – та, что сидела за столом в доме. – Выпьем же во имя нашей печали...

Та Ки была где-то далеко-далеко. Она поднесла к губам чашечку с безвкусным напитком, а потом, выслушав невнятный многоголосый ответ, бросила ее. Настоящая Ки следила за тем, как летит прочь вороной жеребец, унося хохочущих Свена, Риссу и Ларса, подпрыгивающих на шелковистом крупе коня. Скрипел и покачивался под нею фургон. Мерно переставляли копыта серые тяжеловозы...

– За холмом скрылись те трое, за высоким холмом, – со вздохом сказала другая Ки. – Выпьем же во имя нашей печали...

Порыв ветра, шевельнул кроны деревьев. Тот, кто сидел рядом с Ки, следил за Рамом, исчезающим по ту сторону холма. А над вершиной холма было синее небо, ясное синее небо. И вот скрылись, и ничего больше не видно...

– Я ехала следом за ними, ехала слишком медленно, – горевала другая Ки.

– Выпьем же во имя нашей печали!

Ветер ерошил придорожную траву, и трава печально шуршала. Но день был так ясен, и Ки беззаботно улыбалась ему...

Тот, кто сидел с нею рядом, вдруг внятно предупредил ее: хватит. Пора возвращаться. Остановись! Но Ки не послушалась. Еще не все сделано. Она не успокоится, пока не минует вершину и не посмотрит, что же там, за холмом. Ее охватило внезапное желание подхлестнуть неторопливых коней, пустить их рысью... тяжеловесным галопом... наверх, скорее наверх! Нет, она не сделала этого. Серые шагали себе и шагали под жизнерадостное поскрипывание фургона. Почему я сижу и улыбаюсь, думала Ки, почему я не вскакиваю на ноги, нахлестывая коней?.. Кто удерживает меня за руку, ведь я здесь одна?.. Неторопливо, неторопливо катится скрипучий фургон. Скорее, скорее, скорее же!.. Топ, топ, топ – неторопливые копыта по гулкой каменистой дороге...

Но вот, наконец, и вершина.

Ки закричала. Жутким, бессловесным, нескончаемым криком. Стократное эхо повторяло нечеловеческий вопль.

Внезапно другая Ки как будто очнулась. То, что она увидела за холмом, принадлежало только ей. Ей одной. Они не должны этого видеть. И она не должна. Не смей думать о том, что ты увидела. Гарпии выбирают кусочки понежнее. Животик, пухлую щечку ребенка. Ягодицы мужчины. Мягкие внутренности и бедра вороного коня. Не смотри, не слушай, молила вторая Ки, но все напрасно. Гарпии, пара бирюзовых, зеленовато-голубых гарпий. Они смеются, визжат, весело кувыркаются в воздухе над головой Ки. Они прекрасны и смертоносны, как отточенные клинки, и бесчувственны, как речные омуты. Они смеются над ее горем...

Не надо, не надо снова, иступленно молил кто-то другой. Но чем ближе она придвигалась к телам, тем невыносимей делалась боль. Как жар слишком близкого пламени. Ки не могла даже плакать. Она просто выла, как раненый зверь.

Нет, нет, они не должны увидеть гарпий. Не должны увидеть, как они кувыркаются и выются в голубом небе, глумливо передразнивая ее вой...

Тот, кто сидел рядом, пытался подмять волю Ки. Остановить ее. Ки яростно сопротивлялась, и тот, другой, не мог ее одолеть. Нет, она не поддастся, не позволит им увидеть то, чего

видеть не следует... Но тот, другой, был силен. Все-таки он увлек ее назад, в тот мир, где от Свена остались только голые кости. Ки продолжала отчаянно отбиваться, и внезапно оба они полетели куда-то в бездну, сквозь красно-черный вихрь...

Другая сила исчезла, рассеялась, и Ки осталась одна. Она покачивалась и кружилась, подхваченная теплыми сонными водами, только в ушах бился далекий гул, похожий на жужжание пчел. Воды были глубоки, и она плыла сквозь них, скользила легко и безвольно. Течение пронесло мимо нее объятую пламенем гарпию. Это был самец; горящие перья отваливались от его тела. Ки лениво проводила его взглядом. Потом мимо проплыли нерожденные детеныши гарпий, кружась среди ошметков разбитых скорлуп. Ки видела, как по отвесной каменной круче, сцепившись, медленно и невероятно красиво катились двое – женщина и гарпия-самка. Тело гарпии первым соприкоснулось с вершинами деревьев и, вращаясь, плавно отлетело в сторону, чтобы грациозно опуститься наземь и нежно прикинуться к траве... Как забавно, ах, как забавно... Как глубоки, бесконечно глубоки теплые воды...

...Стол. Длинный стол. Множество лиц. Кто-то поддерживал Ки, не давая вывалиться из кресла. А что случилось с Корой? Почему Руфус под руки уводит ее из-за стола? Как она бледна! Она идет с трудом, спотыкаясь на каждом шагу... Что могло надломить эту деятельную, несокрушимую женщину?

Зубы Ки застучали о край глиняной чашки. Молоко. Ей почти насильно вливали в рот молоко, одобренное каким-то огненным снадобьем. Некрасивое лицо Хафтора близко придвинулось к ее лицу. Почему он так зло смотрит? Ки отдернула голову и ткнулась затылком в чью-то грудь. У Ки все плыло перед глазами, но, борясь с дурнотой, она подняла взгляд. Над ней стоял Ларс. Она попробовала виновато улыбнуться ему. Ларс смотрел на нее сурово.

Ки обвела глазами длинную комнату... Что все-таки случилось, отчего все так возбуждены? Все говорили разом, пересаживались с места на место... и с необыкновенной скоростью заглатывали горы еды.

– Ешь! – услышала она голос Ларса. – Ешь, говорю!

Вот тоже пристал. Да с какой стати?

По мере того как Ки приходила в себя, нестройный гул начал распадаться на отдельные голоса, произносившие осмысленные слова. Ларс поддерживал Ки за плечи, не давая обмякнуть в кресле. Хафтор – безобразный, всклокоченный Хафтор – держал перед ней чашку. Звуки и голоса наслаивались на какое-то жужжание, источник которого Ки никак не могла определить.

– Ешь, Ки. Ну, пожалуйста, ешь, это должно ослабить последствие, да и Коре легче будет разорвать связь... Пожалуйста, Ки! – вновь прорезался среди общего шума голос Ларса. Чашка опять коснулась ее губ, и Ки принялась судорожно глотать. Хафтор поставил опустевшую чашку на стол. Громкое жужжание стихло до тонкого писка, как если бы над ухом вился комар. Ки взглянула в перекошенное лицо Хафтора. Его темно-синие глаза смотрели холодно, жестко...

Только тут Ки внезапным толчком как следует вернулась к реальности и стряхнула поддерживавшие ее руки. Она хотела вскочить, но ноги отказывались повиноваться. Ларс отодвинулся от нее прочь.

– Присмотри за ней, Хафтор, пусть непременно поест... О Боги, Ки!.. Пойду посмотрю, что можно сделать...

Ларс покачал головой, глядя на нее сверху вниз. Казалось, он не находил слов. Потом шагнул в сторону и пошел, обходя стол. Минувя взрослых, он касался рукой их плеч, а детей ободряюще гладил по головам. Люди оборачивались к нему, и Ки видела на их лицах свежие следы слез. Тем не менее, там, где проходил Ларс, взвинченная скороговорка стихала до напряженного шепота едва ли громче комариного звона в ушах Ки. И только те из гостей, что сидели с ней рядом, хранили гробовое молчание и старались не смотреть в ее сторону.

Все ели торопливо и жадно, точно после жестокого голода. Никто не смаковал и не восхищался искусно приготовленными блюдами. С таким же успехом они могли бы наперегонки уничтожать холодную, застывшую овсянку.

Хафтор, усевшийся на место Руфуса, справа от Ки, поглощал пищу с такой же странной жадностью, как и все. Он почувствовал взгляд Ки и повернулся к ней, дожевывая кусок. Отвращение и гнев мешались с чем-то похожим на восхищение в его темно-синих, словно ледники ночью, глазах.

– Что случилось?.. – Ки сама поняла, как бессмысленно прозвучали эти слова. Ее как будто разбудили посреди глубокого сна, полного видений, и не спросив сунули в эту толпу, занятую чем-то непонятным и странным.

Хафтор проглотил порцию еды и решил ответить.

– А вот что, – сказал он. – Моя тетя и двоюродные братья так разволновались из-за того, что не сразу получили весточку о гибели Свена, что решили без малейшего промедления созвать семью на Обряд. Таким образом, кое-кому представилась блестящая возможность натворить нам как можно больше беды... что и было проделано с отменным успехом. Иные говорят, имело место недоброжелательство по отношению к нам. Другие, вроде Ларса, утверждают, что все это просто по незнанию...

И Хафтор зло насадил на вилку еще кусок мяса. Ки продолжала смотреть на него. Его гневная отповедь обдала ее ледяным холодом. Почему? За что?..

– Ешь! – приказал Хафтор, ткнув вилкой с надетым на нее куском в сторону тарелки, поставленной перед Ки. Та машинально глянула вниз и с изумлением обнаружила, что кто-то успел навалить перед ней целую гору еды.

– Съешь как можно больше, и чем быстрее, тем лучше, – продолжал Хафтор. – Это уничтожит последствие жидкости и порвет связь... – Он обвел взглядом стол, все эти жующие, чавкающие лица, и недовольно проворчал: – Подумать только, ведь Свен был лучшим из нас. Ну не мерзко ли, что на Обряде в его честь люди жрут по-свински, гоня прочь приобщение, вместо того чтобы как следует им насладиться...

Ки взялась за еду, механически действуя вилкой, точно вилами на сеновале. Она жевала, не ощущая вкуса, и все пыталась мысленно сложить воедино разрозненные кусочки мозаики и получить осмысленный узор. Хафтора она предпочла далее не расспрашивать. Как-нибудь в другой раз.

Итак, сказала она себе, этот их Обряд состоял в приобщении. Ки почувствовала, как забрезжило смутное понимание происшедшего. Выпив странную жидкость, она мысленно вернулась в день гибели Свена, и вместе с нею там побывали они все. Вот, значит, в чем состояло для них облегчение разделенного горя. Ей не придется отвечать на бесконечные неловкие вопросы родни и в сотый раз вспоминать нечто такое, о чем лучше бы поскорее забыть. Все все видели. И разделили между собой. Вот так все должно было произойти. Но произошло ли? Допустила ли она их?.. Ки не знала. Она пыталась не допустить. Это-то она помнила хорошо. Она изо всех сил пыталась избавить их от жестоких и жутких подробностей, от зрелища, низводившего гарпий, их полубогов, до отвратительных стервятников. Удалось ли ей это? Или все-таки не удалось?.. Чем она навлекла на себя всеобщую ненависть? Тем, что показала, каковы в действительности их божки? Или тем, что отказала им в приобщении к мигу гибели Свена?..

Пиршество тянулось и тянулось бесконечно. Подле Ки по-прежнему царил тишина, разговор велся таким тоном, что Ки, не разбирая слов, только радовалась про себя. Зато Ларс слышал все. Ки видела, как он с извиняющимся видом разводил руками и то и дело склонял голову, покорно выслушивая попреки. Потом появился Руфус. Молча, с каменным лицом, наполнил он едой две большие тарелки и удалился с ними в комнату матери. Что случилось с Корой? Что могло вынудить ее покинуть стол и гостей?.. Слишком много вопросов, на которые Ки не могла найти ответов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.